

ЛУИЗА МЭЙ
ОЛКОТТ

*Старомодная
девушка*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Луиза Мэй Олкотт

Старомодная девушка

Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67916520
Старомодная девушка: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб.; 2022
ISBN 978-5-389-21399-9

Аннотация

Луиза Мэй Олкотт – американская писательница, автор знаменитой повести «Маленькие женщины», которая принесла Олкотт мировую славу и любовь читателей. И до сих пор книга остается одним из самых значимых произведений американской литературы «для девочек», и не только для девочек. Как писал один из современников автора, творчество писательницы трогает сердце «молодежи любого возраста – от шести до шестидесяти». Перу Олкотт принадлежат и другие произведения, переведенные на десятки языков и положенные в основу многих кинофильмов и театральных постановок. В их числе и повесть «Старомодная девушка» (1869), представленная в настоящем издании. Главная героиня, четырнадцатилетняя Полли, как и автор, родилась в небогатой, но очень дружной семье. С раннего детства Полли усвоила, что главными ценностями в жизни являются трудолюбие, взаимная поддержка и здравомыслие. Она убеждена, что богатство и внешний блеск мало что значат в сравнении с

отзывчивостью и добротой и, конечно, настоящее счастье или любовь нельзя купить. Однако, приехав погостить к своей подруге Фанни, Полли чувствует себя белой вороной: ее скромность и простосердечие, ее неброские платья выглядят бесконечно старомодными в роскошном доме подруги, которая щеголяет яркими нарядами в окружении толпы молодых кавалеров...

Содержание

Глава I. Полли приезжает	6
Глава II. Новые фасоны	29
Глава III. Страдания Полли	53
Глава IV. Важные мелочи	75
Глава V. Конфликты	100
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Луиза Мэй Олкотт

Старомодная девушка

© А. Д. Иванов, А. В. Устинова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Глава I. Полли приезжает

– Пора на станцию, Том.

– Тогда пошли.

– Нет, я не пойду. Смотри, как на улице мокро. Я же под этим дождем вся до нитки вымокну. А мне хочется хорошо выглядеть, когда мы встретимся с Полли.

– Надеюсь, ты от меня не ждешь, что я отправлюсь один на станцию и привезу оттуда сюда незнакомую девушку? – спросил Том с таким ужасом, словно ему предстояло сопровождать домой дикарку из австралийских лесов.

– Вот именно этого я от тебя и жду, – подтвердила сестра. – Ты должен встретить ее. И если бы ты не был таким жутким букой, тебе бы даже понравилось.

– А я считаю, с твоей стороны это просто подлость, – свирепо глянул на нее Том. – Встретить ее я, конечно, должен. Но ведь ты обещала, что мы пойдем вместе. В общем, если тебе еще раз понадобится, чтобы кто-нибудь позаботился о твоих друзьях, прошу на меня не рассчитывать! – И брат резко вскочил с дивана, стремясь всем своим видом выразить возмущение.

Наверное, он бы и впрямь выглядел очень грозно, если бы его разгневанный образ не портили помятый костюм и встрепанная шевелюра.

– Ну, ну, не сердись, пожалуйста, – вкрадчиво проговори-

ла Фанни. — Хочешь, я за это уговорю маму, чтобы она разрешила тебе пригласить твоего противного Нэда Миллера, которого ты так обожаешь? Вот Полли уедет, и пригласишь.

Предложение это до такой степени примирило Тома с действительностью, что он даже принялся расправлять на себе одежду, надеясь привести ее таким образом в надлежащий вид.

— И сколько она собирается здесь пробыть? — поинтересовался он.

— Ну, может, месяц, а может, два. Она такая хорошая, — восторженно выдохнула сестра. — И я буду очень стараться, чтобы ей захотелось подольше у нас пожить.

— Ну а я тогда постараюсь, чтобы она здесь надолго не задерживалась, — тихо пробормотал Том, считавший девушек совершенно лишней частью мироздания.

Четырнадцатилетние мальчишки часто придерживаются подобного мнения, и, на мой взгляд, по этому поводу абсолютно не стоит тревожиться. В этом возрасте мальчишки часто ходят колесом, причем как в прямом, так и в переносном смысле. Глядь, через несколько лет подобный мальчишка вдруг превратится в несчастного страдающего раба какой-нибудь из тех самых назойливых и противных девчонок.

Том уже двинулся было к двери, но, не дойдя до нее, замешкался.

— Слушай, а как мне ее узнать? — Он обернулся к сестре с кошмарным предчувствием, что на вокзале придется обра-

щаться к незнакомым девушкам, чтобы определить ту, которую он встречает. – Мы ведь с ней никогда не виделись. Нет, тебе все же придется пойти со мной, Фанни.

– Ты легко ее найдешь, – возразила Фанни. – Скорее всего, она будет стоять на платформе и озираться в поисках нас. И уж она-то тебя узнает. Уверена. Я ведь ей описала, какой ты.

– В таком случае наверняка не узнает, – хмыкнул Том, приглаживая пятерней кудрявую шевелюру, и, поглядев-шись в зеркало, про себя добавил: «Уж нам, мужчинам, известно, насколько неправильно нас описывают девчонки».

– Ну давай же, иди. Иначе ведь опоздаешь, и что тогда обо мне подумает Полли! – воскликнула Фанни, от нетерпения ткнув брата в бок, что, как известно, весьма ущемляет в мужчине чувство собственного достоинства.

– Она подумает, что ты больше беспокоишься о своих локонях, чем о друзьях. И будет права.

Он остался очень доволен своим ответом. «Вышло коротко, хлестко, красиво и остроумно», – думал Том, нарочито медленно следуя к выходу. Естественно, он понимал, что опаздывает, но не мог позволить себе торопиться, пока сестра его видит. Он кинулся со всех ног к вокзалу, наверстывая упущенное время, лишь после того как исчез из ее поля зрения.

– Будь я президентом, обязательно издала бы специальный закон, запрещающий мальчикам разговаривать, пока они не вырастут. Из них сыплются одни колкости, – провор-

чала Фанни себе под нос, с возмущением наблюдая через окно, как неспешно брат бредет по улице.

Последуй она за ним взглядом дальше, возможно, она бы смягчилась. Том, едва завернув за угол, совершенно переменился. Вытащил из карманов руки. Свистеть перестал. Застигнул пиджак. И, надвинув поплотнее на голову кепку, чтобы ее не сорвало ветром, вихрем устремился вперед.

На вокзал Том и поезд прибыли одновременно, и неизвестно еще, кто громче пыхтел: паровоз или Том. Он влетел на платформу в темпе призового скакуна, лицо его раскраснелось от ветра и бега до цвета вареного лобстера.

«У нее, наверное, пучок на голове, и одета она в такую же штуковину, как все. И как мне ее узнать? – думал Том, озирая толпу, струящуюся из дверей вагонов. – Нет, Фанни совершенно зря отправила меня одного».

Девушек было множество. Самых разнообразных. От их обилия Том совсем растерялся. Никто из них, правда, вроде бы никого не высматривал и не искал, а значит, ему не надо было к ним обращаться с вопросами, но он все равно взирал на них взглядом мученика.

Наконец он разглядел юное создание, которое никуда не шло, а, сложив руки, стояло на месте. С огромным «шинионом», как называл такую прическу Том, в миниатюрной невесомой шляпке она показалась ему вполне подходящей кандидатурой: «Это она. Наверное, надо к ней как-то обратиться».

Собрав в кулак все свое мужество, он двинулся к цели, на которой под порывами ветра трепыхались и волнились кудри, перья, гребешки, рюши и пояски.

– Извините, а вас, случайно, зовут не Полли Милтон? – осведомился Том севшим от волнения голосом, застыв перед незнакомкой.

– Нет, – коротко ответило юное создание и смерило Тома таким ледяным взглядом, что он совершенно погас.

– Ну и где же тогда она, разрази ее гром? – ретировавшись в сторону, свирепо пробормотал он себе под нос.

Тут как раз позади него и послышался дробный стук каблучков. Он обернулся и увидел бегущую по платформе девушку небольшого роста с удивительно свежим лицом. Она улыбалась и махала ему рукой, в которой держала сумку. Похоже, стремительный бег по длинной платформе доставлял ей огромное удовольствие.

«Ого! Неужели вот это Полли?» – изумленно замер на месте Том.

Девушка, добежав до мальчика, остановилась, окинула его полусмущенным-полувеселым взглядом и, протянув ему руку, осведомилась:

– Ты ведь Том, правда?

И Том, к своему удивлению, даже не заметил, как легко справился с пыткой рукопожатием.

– Ну да, Фан сказала мне, что у тебя кудрявые волосы, вздернутый нос и ты постоянно носишь надвинутую на глаза

кепку, – продолжила девочка. – Вот я сразу тебя и узнала.

Тон ее был дружелюбным и вежливым, и, по правде сказать, она сильно смягчила описание, которое дала брату Фанни. Та ей много раз повторяла, что нос у Тома смешной и курносый, волосы – рыжие и вечно растрепанные, а кепка старая и заношенная.

– А где твой багаж? – спохватился Том после того, как она протянула ему сумку, которую сам он, совершенно забыв о своем мужском долге, не предложил взять у нее из рук.

– Отец посоветовал мне не мешкать с багажом, вот я сразу и поручила его человеку, который наймет экипаж, – объяснила она. – Да вот он идет с моим сундуком.

Полли поспешила за единственным, кроме сумки, предметом своего багажа, а Том, переполненный угрызениями совести из-за того, что не проявил должной вежливости, поплелся следом за ней.

«Она, оказывается, совсем не чопорная юная леди и решительно не похожа на всех этих городских кривляк, – отметил он, с удовольствием глядя на ее коричневые локоны, которые колыхались на ветру. – И какая она хорошенькая. Почему Фан мне об этом не сказала?»

Как только экипаж тронулся, Полли несколько раз подпрыгнула на пружинном сиденье и рассмеялась как-то совсем по-детски:

– Обожаю ездить в таких замечательных экипажах, а еще смотреть на красивые вещи и весело проводить время! А

ты? – Она повернулась с улыбкой к Тому, но почти тут же вдруг посерьезнела, спохватившись, что нужно вести себя более сдержанно.

– Да не особенно, – ответил мальчик, которого в эту минуту больше всего занимал факт пребывания наедине с незнакомой девушкой.

– А что же Фан? Почему она вместе с тобой не пришла? – поинтересовалась Полли.

Она старалась изо всех сил вести себя сдержанно, и только глаза выдавали, как ей сейчас хорошо и весело.

– Испугалась промокнуть, – не стал скрывать Том и, невольно предав сестру, почему-то почувствовал себя несколько лучше.

– А мы с тобой не боимся сырости, правда? И я очень тебе благодарна, что ты пришел меня встретить и позаботился обо мне.

Слова «мы с тобой» пролились бальзамом на сердце Тома. Он всегда стеснялся своей рыжей шевелюры, и, когда хо-рошенькое создание с такими красивыми волосами объединило его с собой, он как-то взбодрился. А уж ее благодарность... Он же ничего особенного для нее не сделал. Подумаешь, донес сумку до экипажа.

Том вдруг ощутил такую уверенность в себе, что даже решил предложить девушке горсть арахиса, которым вечно были набиты его карманы. Он до такой степени любил эти орешки, что домашние легко находили его по следу из скор-

лупы.

Впрочем, через секунду его эйфория сменилась отчаянием. Он вспомнил, что Фанни считает арахис вульгарным, и содрогнулся от ужаса. Наверное, он сейчас опозорил семью. Краска стыда залила его щеки, и, чтобы скрыть свое состояние, он деловито высунулся в окно. В таком положении он оставался так долго, что спутница не на шутку забеспокоилась и спросила, все ли в порядке.

«Да пропади оно пропадом, – пытался успокоиться Том. – Кого волнует эта провинциальная штучка!» В голову ему вдруг пришла спасительная мысль.

– Кажется, кучер пьян, но, думаю, он может управлять лошадьми, – объявил он спокойно и обреченно.

– Кучер пьян? – запаниковала девушка. – Ой-ой-ой! Нужно выбираться отсюда! Посмотри, какой крутой спуск, вдруг экипаж опрокинется! – И она высунулась из полуоткрытого окна со своей стороны, изрядно помяв при этом шляпку.

– Да здесь полно народу, помогут нам, если что, – с мужественной небрежностью отвечал Том, продолжая игру. – Только знаешь, будет безопаснее, если я сам сяду рядом с кучером.

– Ой, да! Пожалуйста, если, конечно, ты не боишься! – взмолилась Полли. – Моя мама с ума сойдет, если со мной что-то случится так далеко от дома!

– Да ты не волнуйся. Я справлюсь и с кучером, и с лошадьми.

Отворив дверцу, Том исчез в мгновение ока и оставил встревоженную Полли одну. Он удобно устроился рядом со стариком-кучером, наслаждаясь свободой и вульгарным арахисом.

В прихожую Том сопровождал гостью с видом бесстрашного охотника, демонстрирующего домочадцам добытый трофей.

– Вот милая Полли, я привез ее.

Фанни слетела по лестнице навстречу подруге и тут же увлекла ее наверх, а Том тщательно вытер ноги о половик возле двери и отправился в столовую восстанавливать силы печеньем.

– Ты, вероятно, устала до смерти. Не хочешь прилечь? – спросила Фанни подругу, едва они вошли в отведенную для нее комнату. Усевшись на кровать, она тараторила без умолку, в то же время внимательно рассматривая наряд гостьи.

– Ничуть не устала, – ответила Полли. – Поездка прошла без происшествий, ну если не считать пьяного кучера. Правда, я почти не испугалась, потому что Том за ним приглядывал, – поведала простодушная Полли, снимая обыкновенное пальто и скучную шляпку без всяких украшений.

– Ерунда. Уверена, что он был не пьян. Том просто выдумал это, чтобы не ехать с тобой. Он терпеть не может девчонок, – с важностью объявила Фанни.

– Неужели? – широко распахнула глаза изумленная Полли. – А мне он показался таким приятным и добрым.

– Нет, моя дорогая, он ужасный мальчишка, – решительно возразила Фанни. – Мальчишки вообще противные, но *он ужасающее, чем все*, которых я видела.

Выражением «ужасающее, чем все» Фанни была обязана модной школе, в которой училась. Там уделяли много внимания освоению французского, немецкого и итальянского языков, а на родной английский времени уже не оставалось.

После слов Фанни Полли заметно охладела к Тому и решила про себя, что отныне будет обходить его стороной. Она ловко перевела разговор на другое:

– Какая великолепная комната! Я никогда еще не спала на кровати с балдахином. И такого красивого туалетного столика у меня тоже никогда не было.

– Рада, что тебе нравится, но, пожалуйста, никогда не говори такого в присутствии других девушек, – сказала Фанни, которая как раз заметила, что Полли не носит сережек.

– Почему? – спросила деревенская мышка у городской, не понимая, почему нельзя похвалить то, что тебе понравилось у других людей.

– Потому что они смеются надо всем необычным, а это неприятно.

Фанни не произнесла слова «деревенским», но Полли и так поняла, какой смысл подруга вложила в свое «смеются надо всем необычным». Ей стало так неуютно, что она задумчиво расправила свой черный фартучек и приняла решение по возможности ничего не рассказывать о собственном

доме.

– Мама пообещала, что, пока ты у нас гостишь, я буду ходить в школу только два-три раза в неделю на французский и музыку, чтобы по ним не отстать. Папа позволил брать тебя с собой на занятия. Правда здорово?

– Да мне как-то неловко, – смутилась гостья. – Там, наверное, все одеваются так же, как ты, и много всего знают. Я буду белой вороной.

– Глупости. Даже не думай об этом. Вот я займусь тобой, приведу в порядок, и ты перестанешь выглядеть странно.

– Разве я выгляжу странно? – ошеломленно спросила Полли.

– Ты очень милая и похорошела с прошлого лета. Просто тебя воспитывали совсем по-другому, чем нас, – с трудом подбирала слова Фанни, – вот ты и выглядишь по-другому.

– Насколько по-другому? – уточнила Полли.

– Ну-у, во-первых, ты одеваешься как маленькая девочка.

– Но я ведь такая и есть. Как же еще я должна одеваться? – Полли внимательно пригляделась к своему отражению в зеркале. Простое синее платье из шерсти мериноса¹, удобные крепкие ботинки и коротко стриженные волосы.

– Тебе четырнадцать, – проговорила многозначительно Фанни. – В этом возрасте мы тут уже считаем себя юными леди.

Она с удовлетворением оглядела в зеркале свою изыскан-

¹ *Меринós* – овечья шерсть высокого качества.

ную прическу с завитой челкой, пучком на затылке и с длинным волнистым локоном на шее, а также черно-красный костюм, широкий матерчатый пояс с бантом, яркие пуговицы, отделку из кружев, тканые розочки с уймой мелких деталей. На шее у нее висел медальон, в ушах поблескивали серьги, к поясу были прикреплены часы на цепочке. Не слишком чистые руки девочки были унизаны кольцами.

Полли переводила внимательный взгляд с собственного отражения в зеркале на фигуру подруги и все сильнее убеждалась, что из них двоих странно выглядит именно Фанни. Девочки познакомились прошлым летом в маленьком провинциальном городке, где жила Полли и куда Фанни приезжала в гости. Великолепное убранство огромного дома семьи Фанни потрясло гостью, но не до такой степени, чтобы стесняться себя, пусть даже ее внешний вид не соответствовал виду подруги. И Полли весело сказала:

– Моя мама предпочитает одевать меня просто, и мне так гораздо удобнее. В таком наряде, как у тебя, я просто не знала бы, что и делать. Неужели ты никогда не забываешь поправить все эти подложки под юбкой, когда садишься?

Фанни не успела ответить, потому что внизу раздался пронзительный вопль.

– Это Мод, – объяснила она. – Сегодня с утра капризничает.

Тут дверь распахнулась и в нее влетела девочка лет семи. Застыв на мгновение, она вытаращилась на Полли, затем

снова зашла от истощного рева, подлетела к старшей сестре и уткнулась лицом ей в колени.

– Том надо мной смеется! – прорыдала она. – Заставь его пекгатить!

– Ну-ка, пожалуйста, перестань так кричать, – встряхнула Фанни ревущего херувимчика. – Иначе Полли неизвестно что о тебе подумает. Лучше скажи, что ты сделала перед тем, как Том начал смеяться?

– Я только сказала, что мы вчегда на пгазднике ели холодное, а он начал смеяться.

– Мороженое, ребенок, – расхохотавшись, последовала примеру брата Фанни.

– А мне наплевать! – топнула ногой разгневанная сестра. – Оно было холодное. Я подогайела его у гойячей заслонки. Тогда оно стало вкусное, но Уилли Блисс пголила его на мою новую куклу. – И Мод вновь разрыдалась под грузом свалившихся на нее несчастий.

– Ой, ты сегодня сердишься, как маленький медвежонок, – устало выдохнула Фанни. – Иди лучше к Кэтти.

– Кэтти меня не газвлекает, а меня надо газвлекать, когда я в минойе, – сквозь всхлипывания возразила Мод, видимо считая минор каким-то экзотическим заболеванием.

– Тогда давай спустимся вниз и поужинаем. Это тебя развлечет. – И, вскочив на ноги, Фанни распушила перышки, словно птичка перед полетом.

Полли очень надеялась, что «ужасный мальчишка» не бу-

дет ужинать вместе с ними, однако он все-таки сидел за столом и при этом таращился на юную гостью.

Мистер Шоу, отец Фанни, Тома и Мод, по виду чрезвычайно занятой джентльмен, едва все сели за стол, осведомился у Полли:

– Ну, как дела, дорогая? Надеюсь, ты хорошо проведешь здесь время.

Девушка что-то смущенно пролепетала в ответ, он ей улыбнулся, после чего, похоже, вообще забыл о ее существовании.

Миссис Шоу, нервная женщина с бледным лицом, наоборот, проявляла к госте чрезмерное внимание, то и дело подкладывая на тарелку угощение.

А мадам Шоу, тихая пожилая леди с внушительным чепцом на голове, едва увидев Полли, воскликнула:

– Ты чудо, дитя, до чего похожа на маму! Милейшая женщина! Как она там поживает? – Она рассматривала девочку поверх очков не менее пристально, чем Том, и в конце концов под перекрестным огнем их взглядов Полли окончательно утратила аппетит.

Фанни без умолку тараторила, а Мод так ерзала на стуле, что Том пригрозил:

– Прекрати! Или посажу тебя на блюдо, а сверху накрою крышкой.

Младшая сестра в ответ разразилась бурными рыданиями, в итоге Кэтти пришлось ее увести.

Словом, за ужином Полли чувствовала себя неудобно и облегченно вздохнула, когда он наконец завершился.

Потом все занялись своими делами. Фан, исполнив роль гостеприимной хозяйки, заторопилась к портнихе. Полли осталась развлекать саму себя в гостиной.

Она была рада побыть в одиночестве и сначала с удовольствием осмотрела разнообразные безделушки, а потом принялась неспешно расхаживать взад-вперед по просторной комнате. Дневной свет постепенно мерк. Гостиная освещалась теперь только всполохами пламени в камине. Девочке было тепло и уютно, и она тихонько запела одну из своих любимых песен.

– Ах, я так давно не слышала эту песню, – раздался голос пожилой дамы, которая неслышно вошла в гостиную. – Спой мне, пожалуйста, еще раз, милая, – попросила она, опустившись в мягкое кресло.

Полли не очень любила петь незнакомым людям. Все ее занятия музыкой сводились к редким урокам, на которые хватало сил у ее вечно занятой мамы, и она была не уверена, что ее исполнение достойно чужого слуха. Но просьба сейчас исходила от пожилой леди, а Полли была приучена проявлять уважение к старшим. Не находя убедительных причин для отказа, она покорно уселась за рояль, который стоял в смежной с гостиной комнате.

– Как приятно слушать такую музыку! – восхитилась мадам, когда Полли закончила. – Спой, будь любезна, еще, –

ласково попросила она.

Вдохновленная похвалой девочка осмелела, ее чистый голосок зазвучал с той пронзительной искренностью, которая заставляет быстрее биться даже сердце черствого слушателя. Ах, эти милые старые мелодии, которые никогда не надоедают! Из них-то и состоял репертуар Полли. Больше всего ей нравились шотландские песни. Она спела «Светловолосого паренька», «Джека О'Хейзлдина», «Там, среди вереска» и «Берксов из Аберфельди». С каждым разом у нее получалось все лучше. Девочка завершила маленький свой концерт песней «За здоровье короля Карла», и гостиная просто звенела от зажигательной музыки, рожденной голосом и роялем.

– Ух ты, как весело. Спой еще, пожалуйста! – раздался вдруг новый голос, и над спинкой кресла, в котором сидела мадам, возникла рыжая голова Тома, который, как оказалось, прятался там все это время.

Полли вздрогнула от неожиданности. Ей-то казалось, что ее пение слышит лишь дремлющая возле камина мадам.

– Нет, больше не могу петь. Я устала. – И, покинув рояль, она направилась к креслу старой леди.

Ярко-рыжая голова, явно испуганная ледяным тоном девочки, со скоростью метеора снова исчезла за спинкой.

Мадам легким движением пальцев поманила Полли к себе и, когда та приблизилась, заключила в объятия столь ласково, что девочка, вмиг забыв о ее суровой наружности, внушительного вида чепце и о большой разнице в возрасте, до-

верчиво ей улыбнулась, согретая сознанием, что принесла радость исполнением простых мелодичных песен.

– Не смущайся, что я все время пристально на тебя смотрю. – Мадам легонько ущипнула Полли за румяную щеку. – Просто я так давно не видела девочек, и мне радостно глядеть на тебя.

– Давно не видели девочек? – удивилась Полли. – А как же Фанни и Мод?

– О нет, моя милая. Это совсем другое, – вздохнула мадам. – Фанни уж года два как юная леди. А Мод – избалованный и капризный ребенок. Ах, насколько же разумная женщина твоя мама, дитя мое.

«Очень странная пожилая леди», – пронеслось в голове у Полли, однако вслух она лишь почтительно произнесла:

– Да, мэм.

– Сдается мне, ты не совсем меня поняла, – нежно коснулась ее подбородка пожилая леди.

– Да, мэм, не совсем, – подтвердила девочка.

– Тогда позволь, дорогая, тебе объяснить. В мои юные годы девочек четырнадцати-пятнадцати лет не одевали по последней моде. И не устраивали им вечеринок наподобие тех, на которые собираются взрослые. Они не вели нездоровую легкомысленную праздную жизнь, которая превращает их к двадцати годам в холодных, скучающих, равнодушных существ. Мы оставались детьми лет примерно до восемнадцати. Трудились, учились и одевались как дети. С почтением

относились к родителям. И, мне кажется, каждый день нашей жизни был куда более насыщен и длился дольше, чем сейчас.

Произнося это, пожилая леди держала Полли за ручку, но обращалась не к ней, а к выцветшему портрету на стене, с которого строго взирал пожилой джентльмен со старомодной прической.

– Это, мадам, ваш отец? – догадалась Полли.

– Именно, дорогая. Мой уважаемый и почтенный отец. До самой его кончины я тщательно содержала в порядке его жаббо, и первые деньги я заработала у него. Это были пять долларов, которые он назначил как приз той из своих шести дочерей, которая лучше всех сумеет заштопать его шелковые чулки.

– Вы, должно быть, очень гордились! – с чувством воскликнула Полли, прижавшись разгоряченной щекой ей к плечу.

– О да. Мы учились печь хлеб, готовить. И хоть носили простые платья из ситца, но радовались жизни, как котята. Все мы дожили до появления внуков. Я самая младшая, мне скоро семьдесят, но я еще полна сил. А вот у жены моего сына уже в сорок лет здоровье разрушено.

– И меня растят точно так же, как вас. Вероятно, поэтому Фан и считает меня старомодной, – сказала девочка. – Ой, вы не могли бы еще рассказать мне про вашего папа? Это ведь так интересно.

– Только не называй его этим французским словом «па-па», – покачала головой старая леди. – Решись к нему так обратиться кто-то из нас, боюсь даже думать о последствиях. А назови его кто-нибудь из сыновей предком или «губернатором», наверняка бы лишил и содержания, и наследства.

Мадам говорила с нажимом, нарочито громко и при этом выразительно кивала за спинку своего кресла. Оттуда доносился притворный храп, который свидетельствовал, что выстрелы цели не достигают.

Старая леди, похоже, была не против еще побеседовать с Полли, но ее прервала влетевшая в комнату Фанни.

– Клара Бёрд пригласила нас с тобой сегодня вечером в театр и к семи часам за нами заедет, – радостно сообщила она.

Неожиданное и резкое погружение в городскую жизнь привело Полли в такое волнение, что она, едва сознавая происходящее, заметалась по дому с видом заблудившейся бабочки и немного пришла в себя лишь в ярко освещенном театре, перед зеленым занавесом. По одну сторону от ее кресла сидел мистер Бёрд, по другую – Фанни. К счастью, ни этот джентльмен, ни подруга не заводили с ней разговоров. Переполненная впечатлениями, Полли вряд ли сумела бы им ответить что-нибудь вразумительное.

До этого вечера она в театре можно сказать что и не была. Весь ее зрительский опыт ограничивался полулюбительскими постановками добрых и смешных сказок для детей.

В этих ярких, веселых представлениях часто звучали незамысловатые невинные шутки. Но сегодня она увидела совершенно иной спектакль.

Модное представление считалось гвоздем сезона, его повторяли уже сотни вечеров подряд. Ослепительное зрелище будоражило и смущало публику всеми видами обольщений, рожденных французской изобретательностью и расточительностью американских продюсеров. Не столь важно, как назывался этот спектакль. Подобные постановки, помпезные и вульгарные, появляются каждый сезон и входят в моду именно потому, что шокируют зрителей.

Сверкающий мир, представший Полли со сцены, сперва совершенно очаровал ее. Море света завораживало. Танцующие и поющие существа в ярких костюмах казались ей прекрасными сказочными героями. Когда первый восторг немного улегся, она прислушалась к текстам песен, и очарование исчезло. Со сцены летели зарифмованные площадные грубые шуточки в сопровождении негритянских мелодий. Поневоле ей вспомнились милые эльфы и феи из виденных прежде спектаклей.

Наша юная героиня была чересчур наивна, чтобы оценить бо`льшую часть дерзких шуточек, она только удивлялась, что зрители то и дело смеются. Ей становилось все более неуютно от сознания, что ее присутствие здесь не понравилось бы маме. И в конце концов она пожалела, что вообще пошла на этот спектакль.

А на сцене тем временем стало твориться что-то совсем непонятное. Кое-что нашей юной зрительнице становилось ясно из реплик людей, сидевших возле нее, кое-что ей подсказывали девичьи инстинкты, но лучше она себя не чувствовала.

Когда на сцену вылетели двадцать четыре девушки в костюмах жокеев и принялись, громко хлопая по сцене хлыстами и притопывая каблучками, исполнять какой-то дикарский танец и с зазывными улыбочками подмигивать публике, девочку охватило не веселье, а отвращение. Она было перевела дух, когда они наконец исчезли, однако на смену им явилось зрелище совсем уж позорное. Разнузданная компания девушек в полупрозрачных костюмах сильфид с золотистыми крылышками настолько ее фраппировала, что она с горящим лицом уткнулась в программку.

– Почему ты так покраснела? – не укрылось ее состояние от Фанни.

– Ой, мне так стыдно за этих девушек, – вздохнув, прошептала Полли.

– Ну ты и глупышка, – усмехнулась подруга. – Здесь просто все сделано как в Париже. И как прекрасно танцуют! Первый раз мне, если честно, самой было странно. Но потом ты привыкнешь, как я.

– Нет, я больше сюда никогда не приду! – решительно заявила Полли, все существо которой противилось зрелищу, заставляющему ее так страдать.

В отличие от подруги, она привыкнуть к такому с легкостью не могла, ибо за всю предыдущую жизнь ее ни разу не искушали подобными соблазнами. Вряд ли ей в тот момент удалось бы объяснить свои чувства, однако она пришла в себя, лишь когда они с Фанни вернулись домой, где их с пожеланиями спокойной ночи поджидала добрая бабушка².

– Хорошо ли ты провела время, милая? – осведомилась она у Полли, видя ее раскрасневшееся лицо и блестящие, как в лихорадке, глаза.

– Не хочу показаться невежливой, но, к сожалению, нет, – честно призналась девочка. – Сначала этот спектакль, конечно, был потрясающий, но потом мне хотелось забраться под кресло. Публике все понравилось, но я сомневаюсь, что это было прилично.

Пока Полли высказывала все это, постукивая от волнения по полу каблуком туфли, которую только что стянула с ноги, Фанни, смеясь, кружилась в танце по комнате в точности как мадемуазель Тереза из этого самого спектакля.

– Бабушка, Полли была в таком шоке! Глаза у нее стали как блюдца, лицо – краснее моего пояса, а потом мне вообще показалось, что она вот-вот заплачет. Конечно, там были какие-то странноватые вещи, но все прилично. Иначе никто

² Здесь нужно учитывать как время действия книги (в США совсем недавно отменили рабство), так и характер Полли, жившей в далекой провинции и воспитанной в суровых пуританско-консервативных традициях. Ясное дело, что представление в стиле парижского «Мулен Руж», да еще с «негритянскими мелодиями» показалось ей чем-то до ужаса неприличным. (*Примеч. перев.*)

из наших бы не пошел смотреть. А миссис Смит-Перкинс вообще говорит: «Ну в точности как в Париже». Я сама это слышала. И ведь ей можно верить. Она там жила. И конечно, в таких вещах знает толк.

— А мне наплевать, что она там знает! — упрямо воскликнула Полли, которую совершенно не убеждали суждения миссис Смит-Перкинс. — Уверена, что этот спектакль нельзя смотреть девочкам. Иначе бы мне на нем не стало так стыдно.

— И ты, вероятно, права, милая, — кивнула ей пожилая мадам. — Только ты ведь живешь в провинции и не знаешь, что скромность вышла ныне из моды.

И, поцеловав Полли на ночь, старая леди оставила ее смотреть сны, в которых она танцевала в жокейском костюме, Том, сидя в оркестре, громко играл на большом барабанах, а зрители с лицами папы и мамы скорбно взирали на нее из зала. И глаза у них были как блюдца, а лица — красные, словно пояс у Фанни.

Глава II. Новые фасоны

– Сегодня я собираюсь в школу, – после позднего завтрака объявила Фанни. – Так что быстренько поднимаемся и готовимся к выходу.

– Да что тебе там особо готовиться? По-моему, ты и так замечательно выглядишь, – поспешая следом за ней из столовой в холл, отметила Полли.

– Сперва перышки полчаса будет чистить. А потом еще полчаса нацеплять на себя уйму всяческих финтифлюшек, – хохотнул непочтительный Том, который украсил себя для похода в школу лишь вечной кепкой да стянутыми ремешком несколькими толстыми книгами, чье состояние красноречиво свидетельствовало, что он иногда использует их в качестве оборонительного оружия.

Полли, проигнорировав Тома, прошла молча мимо, однако у Фанни все же поинтересовалась:

– А что такое финтифлюшки?

– Это когда, например, добиваешься с помощью всяческих запасных частей, чтобы волосы оказались не там, где им нужно быть, – расслышав ее слова, крикнул Том и, насвистывая, с пренебрежением удалился, ибо собственной шевелюре предоставлял полное право торчать, как ей вздумается.

– И зачем так наряжаться в школу? – чуть погодя спросила Полли. Она с удивлением наблюдала, как подруга, тща-

тельно уложив завитки у себя на лбу, облачилась в платье, на котором пришлось завязывать множество ленточек и расправлять еще большее количество фестончиков.

— Так принято у всех девочек, — с убежденным видом проговорила Фанни. — Никогда ведь не знаешь, с кем встретишься. А я после школы еще собираюсь вместе с тобой пойти на прогулку. Поэтому мне бы хотелось, чтобы ты тоже надела самое лучшее пальто и самую лучшую шляпку. — И она с помощью заколки исхитрилась закрепить собственную шляпку под углом, который опровергал все законы земного притяжения.

— Ладно, надену, если считаешь неподходящим то, в чем я к вам приехала, — согласилась Полли. — Мне и самой другая шляпка нравится больше. На ней ведь есть перышко. Просто эта моя теплее, вот я и ношу ее каждый день.

И, опасаясь, как бы подруга не застыдилась ее слишком скромного одеяния, она побежала к себе прихорашиваться.

— А у тебя руки в этом не мерзнут? — поглядела на тонкие лайковые перчатки подруги Полли, когда они уже шли по холодной улице, поеживаясь от дувшего им прямо в лица северного ветра.

— Ужасно мерзнут, — вздохнула та. — Но у меня такая огромная муфта, а мама не разрешает ее обрезать, вот я и стесняюсь. Есть еще горностаевая, но она парадная. — И Фанни с обиженным видом потерла уже порядком заоченевшие в тонкой лайке руки.

– Моя, наверное, тоже слишком большая, – проговорила Полли, глядя на свою муфту из серой белки, а заодно и на шерстяные перчатки, которые прежде казались ей элегантными, а теперь как-то сильно разочаровывали. – Но ты можешь погреть в ней руки, когда тебе станет неважноту.

– Ну, может, потом так и сделаю, – отозвалась Фанни. – А теперь, Полли, слушай меня внимателно. Когда придем в мою школу, ты не стесняйся. Я тебя познакомлю с тремя или четырьмя девочками. На остальных, штук двенадцать, можешь вообще не обращать внимания. Все они будут заняты. Знай, что им совершенно не до тебя. Старый месье пусть тоже тебя не волнует. Ты можешь ему не читать, это совершенно не обязательно, если, конечно, сама не захочешь.

– Да, читать я, пожалуй, не стану, – сказала Полли. – Просто сяду и посмотрю. Мне нравится наблюдать за людьми, когда они мне незнакомы и все вокруг новое и необычное.

Но когда Фанни ввела ее в класс элегантно одетых и весело щебечущих юных леди, она, конечно же, засмушалась. Тем более что все девочки разом к ней повернулись и начали изучать ее холодными взглядами, что, по их мнению, было столь же модно, как смотреть в лорнет.

Фанни представила им свою подругу, после чего девочки ей кивнули, проговорив что-то вежливое, и вновь принялись коротать время, оставшееся до прихода учителя. Одни, наиболее шаловливые, танцевали, другие склонились друг к другу и читали крохотные записочки. Все они тараторили,

как сороки, и ели конфеты, которыми вежливо угостили и Полли, а она, молча сидя среди этих юных леди, чувствовала себя по сравнению с ними совсем маленькой.

Вскороности в класс впорхнула еще одна юная мисс.

– Девочки, а вы знаете, Кэрри-то увезли за границу, – принялась щебетать она. – Об этом столько сейчас говорят! Отец ее вроде не выдержал и увез всю семью. Правда занятно?

– Я считаю, он правильно поступил, – сказала другая девочка. – Мама говорит, что, если бы я оказалась в подобной школе, она бы мигом меня забрала оттуда.

– Кэрри сбежала с учителем музыки, итальянцем, – начала посвящать Полли в суть происшествия первая девушка. – Это попало в газеты, и поднялась большая шумиха.

– Ужас какой! – воскликнула Полли.

– А по-моему, очень даже забавно и весело, – продолжала первая девушка, которую звали мисс Белль. – Этот учитель такой красавец! А Кэрри всего шестнадцать, и у отца ее полно денег. Естественно, все их начали обсуждать, на улице на нее постоянно глазели, и ей это очень нравилось. Но папаша ее настоящий старый сухарь, вот и решил увезти ее подальше. Ужасно жалко. Она была самой жизнерадостной девушкой из всех, которых я знала.

Полли, не находя для ответа слов, промолчала, а Фанни задумчиво произнесла:

– Обожаю читать про такие истории в книгах, но вот когда они происходят где-нибудь рядом, это приносит одни

неудобства. Папа теперь грозит приставить ко мне в сопровождения служанку. Говорит, что в Нью-Йорке все именно так и делают, чтобы с девушками все было в порядке. Нет, вы только представьте себе! – всплеснула руками она.

– Это, наверное, из-за того, что Кэрри, как оказалось, подписывала за свою маму записки об освобождении от занятий, а сама вместо школы отправлялась гулять со своим Орестом. Вот находчивая хитрюга! – выдохнула с восхищением Белль.

– А я считаю, что вообще нечего разводить шум, если кто-то сбежит иногда с уроков, как Кэрри, – подала реплику еще одна из юных мисс. – Мальчишки вон делают что хотят. Так почему же нас во всем ограничивают?

– Пусть бы только попробовали ко мне кого-то приставить! – угрожающе проговорила ее соседка.

– Для этого, Трикс, потребуется или полицейский, или маленький джентльмен в цилиндре, – ехидно покосилась на нее Фанни.

Все засмеялись, а Беатрис Трикс кокетливо повела головой.

– Ты читала «Невесту призрака»? – пользуясь наступившей паузой в разговоре, стала расспрашивать Полли девочка с очень бледным лицом. – Потрясающе интересный роман. В библиотеке за ним огромная очередь. Некоторым, правда, больше нравится «Распятая бабочка». А тебе?

– Я не читала ни той ни другой, – призналась Полли.

– Ну, тогда непременно прочти, – посоветовала ее собеседница. – Обожаю книги вроде «Гая Ливингстона»³ и еще Йейтса⁴. И Уида⁵ прекрасно пишет, только уж очень длинно. Устанешь, пока до конца доберешься.

– А я с тех пор, как сюда приехала, успела прочесть только один роман Луизы Мюльбах⁶. Мне нравятся ее книги, потому что они исторические, – ответила Полли и была очень довольна, что у нее появилась возможность поделиться своими литературными предпочтениями.

– Ну да, интересно, полезно и познавательно, но я больше люблю читать про сильные страсти, – сказала бледная девочка.

От необходимости признаваться, что она ничего подобного не читала, Полли избавило появление седовласого пожилого француза, смиренно несущего бремя работы с толпой вечно хихикающих и шушукающихся девчонок.

Юные леди быстро оттараторили домашнее задание. Затем выполнили упражнение по грамматике. А потом прочитали по очереди короткий текст из французской истории, в

³ «Гай Ливингстон» – роман популярного писателя Джорджа Альфреда Лоуренса (1827–1876) о военных и любовных похождениях.

⁴ Йейтс, Эдмунд Ходжсон (1831–1894) – плодовитый английский писатель; прославился бульварными романами.

⁵ Уида – романистка Мария Луиза Раге (1839–1908); снискала популярность приключенческими и любовными романами.

⁶ Луиза Мюльбах (1814–1873) – немецкая писательница; была известна историческими романами, а также радикальными взглядами на женскую эмансипацию.

связи с которым учитель предложил объяснить все, что им непонятно, но ни одна из девочек вопросов не задала. Когда же он сам спросил, кто из известных французов принимал участие в американской революции, Фанни, заставив Полли краснеть за нее, назвала вместо генерала Лафайета поэта Ламартина и ничуть не смутилась из-за своей ошибки, потому что, подобно всем остальным юным леди, просто ждала с нетерпением, когда урок наконец завершится.

Следующий час Фанни занималась в другом классе музыкой, а Полли за ней наблюдала. Перемену, наставшую после этого, самые младшие ученицы проводили во дворе, где прогуливались, взявшись за руки и жуя на ходу хлеб с маслом, а девочки постарше, оставшись в классе, что-нибудь читали или обменивались свежими сплетнями. Что же касается Белль, Трикс и Фанни, то они, захватив с собой Полли, пошли пообедать в модный салон поблизости. У Полли, вообще-то, в кармане лежало имбирное печенье, которым ее перед выходом из дома снабдила заботливая пожилая мадам, но в компании трех юных леди она не решилась даже намекнуть на его наличие, предоставив ему рассыпаться в груды коричневых крошек, и была вынуждена утолять весьма сильный голод по-модному маленькой порцией мороженого с тремя макаронами⁷.

Девочки пребывали в приподнятом настроении и ожи-

⁷ *Макарún* – маленькое печенье из кокосовой или миндальной стружки, яичных белков и сахара.

вились еще сильнее, когда к их компании присоединился джентльмен, с виду столь молодой, что, если бы не цилиндр на его голове, Полли бы приняла его за мальчика.

Белль и Трикс какое-то время спустя направились снова в школу, а Фанни в сопровождении юного джентльмена с впечатляющей внешностью пошла прогуляться по самым людным и модным улицам. Полли покорно следовала позади них, развлекая себя созерцанием ярких витрин магазинов, пока подруга, не забывая о приличиях даже в столь интересный момент своей жизни, не предложила зайти в картинную галерею, где они с джентльменом уселись отдыхать, а Полли могла наслаждаться произведениями искусства.

Помещение было маленькое, и Полли при всем старании сосредоточиться на картинах невольно слышала, о чем говорили на круглой банкетке подруга и молодой человек. Беседа ей интересной не показалась. Рассказ молодого джентльмена о каком-то уроке немецкого был просто скучен, и Полли не понимала, почему Фанни внимает ему с таким интересом. И уж совсем ее удивила необычайная пылкость, с которой подруга пообещала своему спутнику, что, конечно же, не забудет прийти на концерт, который состоится сегодняшним вечером.

Разговор их длился до той поры, пока Фанни, глянув на усталое лицо Полли, не ощутила укоров совести. Молодой джентльмен ушел, а девочки поспешили домой.

– Знаешь, милая, – запихнув в муфту Полли замерзшую

руку, доверительно начала по дороге подруга, – тебе не стоит при моих родственниках ни словом упоминать Фрэнка Мура. Иначе папа мне голову оторвет. Кстати, Фрэнк-то вообще мне совсем не нравится. Он не мой молодой человек, а Трикс. Просто они поссорились, и ему захотелось, флиртуя со мной, немного позлить ее. Я, конечно, его как следует отругала за это, и он обещал, что они помирятся. А на концерты мы ходим всей нашей компанией. Сама увидишь, как это весело. Белль и Трикс тоже придут. Просто дома молчи, и тогда будет полный порядок.

– А я боюсь, что не будет, – возразила ей тихим голосом Полли, которая не привыкла к секретам, пусть даже самым маленьким и невинным.

– Да ты не волнуйся, ребенок. Мы просто идем насладиться музыкой. А если другие начнут флиртовать, это нас не касается, – нетерпеливо продолжила Фанни.

– Конечно же нет. Но если твой папа не хочет, чтобы ты с ними ходила, надо ли тебе идти? – по-прежнему сомневалась Полли.

– Но маме-то я рассказываю, и ей все равно. Это папа суетится и раздувает из мухи слона. А бабушка так вообще поднимает шум из-за каждого моего шага. Ну, ты придержишь язык? – кинула пристальный взгляд на подругу Фанни.

– Да. Обещаю. Я никогда не ябедничаю, – заверила та.

И она сдержала слово, успокаивая себя тем, что ведь и Фанни, собственно, ничего не скрывает, так как рассказыва-

ет все маме.

– И с кем ты пойдешь? – поинтересовалась миссис Шоу, когда дочь около трех часов дня сообщила ей, что вечером собирается на концерт.

– Только с Полли, – ответила Фан. – Ей нравится слушать музыку. И мне тоже. А я ведь на прошлой неделе и так концерт пропустила из-за ужасной погоды.

Но, уже выйдя с подругой на улицу, она с хитрым видом добавила:

– Если мы вдруг по пути случайно кого-нибудь встретим, то ничего ведь не сможем поделать, правда?

– Поздороваемся и пойдем дальше, – не усматривала никаких трудностей в такой ситуации Полли.

– Нет, это будет ужасно невежливо, – поморщилась Фанни. – Ба! – в следующий же миг просияла она. – Посмотри, это Гас, брат Белль. Он тоже всегда на концерты ходит. Надеюсь, со шляпкой и волосами у меня все в порядке?

Подруга и слова в ответ не успела произнести, когда мистер Гас спокойно, словно так загодя было условлено, присоединился к их компании, и вскорости Полли уже семенила позади весело болтающей парочки, отчетливо сознавая, что все совсем не в порядке, но совершенно не понимая, как это исправить.

Музыку она слушать очень любила и была по своей наивности убеждена, что именно ради нее на концерты и ходят. Однако здесь, к ее немалой досаде, молодые джентльмены

постоянно шушукались с девушками, казалось только и дожидаясь пауз между произведениями, чтобы во время них рассказать что-то из жизни их колледжа или какую-нибудь животрепещущую новость.

Белль и Трикс, очень красиво одетые, тоже сидели в зале, с удовольствием принимая внимание молодых людей, которые поначалу хотели вовлечь в круг бесед и хорошенькую Полли, но, так как она в основном помалкивала, быстро переключились на более бойких и словоохотливых соседок, а о ее присутствии будто просто забыли, как забывают порой в веселых взрослых компаниях о тихом ребенке.

Впрочем, и Полли совершенно забыла о них, целиком поглощенная музыкой. Звуки, несущиеся со сцены, повергали ее в такое блаженство, что истинные знатоки, которых тоже немало сидело в зале, наслаждались видом ее озаренного счастьем лица.

Концерт завершился, когда на улице уже сгустились сумерки, и у выхода Полли и Фанни ожидал экипаж. Полли восприняла это с большим облегчением. Ей сегодня вполне хватило ходить по улице третьей лишней.

– Я рада, что мужчины ушли, – сказала она, когда экипаж уже вез их по направлению к дому. – Они так мне мешали слушать своей болтовней.

– Но может быть, кто-то из них тебе все же понравился? – обратилась к ней Фанни чуть свысока, словно взрослая дама к маленькой девочке.

– Тот, ну, который не очень красивый, – откликнулась Полли. – Он почти ничего не говорил, зато когда я уронила муфту, поднял ее. Потом помог мне на выходе сквозь толпу пробираться. А остальные вообще на меня не обращали внимания.

– Видно, им показалось, что ты еще слишком маленькая, – бросила Фанни.

– А мама моя говорит, что истинный джентльмен всегда вежлив с маленькой девочкой так же, как с женщиной. Поэтому-то мне больше всех и понравился мистер Сидни. Он был ко мне очень добр и внимателен.

– Ну ты, ребенок, и проницательная! Никогда не подумала бы, что ты на подобное обращаешь внимание. – Только в этот момент до Фанни начало доходить, что даже совсем еще девочке может быть свойствен поистине зрелый женский взгляд на поведение мужчин.

– Я хоть и живу в провинции, но привыкла к хорошим манерам, – проговорила чуть дрогнувшим от волнения голосом Полли, которой совсем не нравился покровительственный тон подруги.

– Да, бабушка говорит, что твоя мама настоящая леди, а ты очень на нее похожа, – смутилась Фанни. – И хватит кипеть по поводу этих бедняг. В следующий раз прослежу, чтобы они вели себя лучше. Только вот ты... – Она засмеялась. – Ну, у Тома ведь вовсе с манерами плохо, а ты на него не жалуешься.

– Ну да, у него нет манер, но мне все равно, – ответила Полли. – Он ведь еще мальчик. Вот и ведет себя как все мальчишки. И мне с ним общаться гораздо проще, чем с этими молодыми мужчинами.

Фанни как раз собиралась ей попенять за пренебрежительный тон, которым она отозвалась о мужчинах, когда из-под противоположного сиденья раздалось приглушенно:

– Ку-ка-ре-ку!

Девочки разом вздрогнули.

– Это Том! – возопила Фанни и оказалась права.

Пыхтя от душившего его хохота, этот несносный мальчишка выкатился из-под сиденья и с сияюще-красным лицом гордо уселся напротив девочек, словно бы в ожидании похвалы за прекрасно проделанную работу.

– Ты слышал наш разговор? – ужаснулась сестра.

– Естественно. Каждое слово, – радостно подтвердил Том.

– Вот подлый наглец! – повернулась Фанни к подруге. – Теперь отправится к папа` и все ему расскажет.

– Может, отправлюсь, а может, и нет, – с загадочным видом откликнулся брат. – Ох, как Полли-то подскочила, когда я закукарекал! – снова впал он в восторг от своей проделки.

– Значит, теперь для тебя не секрет, какого высокого мнения мы о твоих манерах? – вкрадчиво глянула на него Полли.

– Да, – кивнул Том. – И ты против них ничего не имеешь. Поэтому на тебя-то уж точно не стану ябедничать.

– А тебе на меня и наябедничать-то нечего, – развела ру-

ками она.

– Это ты так считаешь, – усмехнулся победоносно Том. – А по-твоему, «губернатору» очень понравится, когда он узнает, что вы крутились в компании этих модных щеголей?

– А какое имеет к нам отношение губернатор Массачусетса? – прикинулась, будто не поняла его, Полли.

– Нечего придирааться к словам, как бабушка, – нахмурился он. – Прекрасно ведь знаешь, что я имею в виду нашего отца.

– Может, нам лучше договориться, а, Том? – с заманчивым видом начала Фанни. – Я ведь совершенно не виновата, что Фрэнк и Гас оказались там и со мной разговаривали. Я-то сама старалась быть скромной, насколько могла. У папа совершенно нет повода на меня сердиться. Вот и Полли тебе подтвердит, что мне удалось вести себя лучше, чем другие девочки.

– Договоримся? – не дожидаясь, что скажет Полли, деловито переспросил Том.

– Хотя очень подло и стыдно, что ты нас подслушивал, – не удержалась от упрёка сестра. – Но если ты обещаешь помалкивать и дома шум не поднимется, я помогу тебе добиться велосипеда. Вот начнут мама с бабушкой уговаривать папу, что это опасно и он не должен тебе покупать его, а я их ни словом не поддержу.

– Правда? – всерьёз задумался над ее предложением Том.

– Да, – усилила натиск сестра. – Ты тоже ведь нас поддер-

жишь, Полли?

– Вмешиваться не стану, но промолчу. Так что хуже не сделаю, – ответила та.

– А почему бы тебе не вмешаться? – любопытствовал Том.

– Потому что это обман, – покачала головой Полли.

– Никто никого не обманывал бы, не начинай наш папа́ бушевать из-за всяческой ерунды, – хмуро пробормотала Фанни.

– А может, он после истории с Кэрри не так уж напрасно волнуется? – спросила Полли. – Что, если ты просто честно ему обо всем расскажешь, а после не станешь делать то, что ему не нравится?

– А ты сама что же, вот прямо так про себя все и рассказываешь отцу с матерью? – Фанни полагала, что это попросту невозможно.

– Да, именно так, – откликнулась Полли. – И это гораздо проще, чем создавать себе кучу проблем.

– И ты не боишься? – продолжала смотреть на нее изумленно Фанни.

– Нет, – твердо проговорила подруга. – В чем-то, конечно, признаваться бывает трудно, но когда это сделаешь, так легко на душе становится.

– А давай ты так тоже, а? – повернулся к сестре Том.

– Вот уж большое тебе спасибо! – выкрикнула, чуть не плача, она. – Поднимать бурю из ничего!

– А по-моему, как раз есть из чего, – заспорил с ней он. – Сама знаешь: тебе запретили шататься в компании этих щеголей. Потому сейчас так и злишься. Не стану с тобой ни о чем договариваться и наябедничаю, – охватил Тома приступ внезапного благочестия.

Он редко бывал таким, но, когда это случалось, Фанни, против обыкновения, начинала к нему всерьез прислушиваться.

– А если я просто пообещаю тебе никогда больше не поступать так? – Она покорно предложила свой вариант.

– Об этом, пожалуй, стоит подумать, – откликнулся брат. – Станешь вести себя хорошо, может, вообще никому ничего не скажу. Но учти: я могу проследить за тобой куда лучше, чем папа. Нарушишь слово – пеняй на себя, дорогая мисс! – Он не упустил шанса слегка потиранить сестру.

– Ничего она не нарушит, – обняла подругу Полли, – а ты перестань ее мучить. Иначе она не станет тебя поддерживать, когда ты сам попадешь в неприятности.

– Да я в них вовсе не попадаю, – отмахнулся с бравадой Том. – А если даже и попаду, просить помощи у девчонки не стану.

– Ну и зря, – пожала плечами Полли. – Я бы к тебе, случись что со мной, обязательно обратилась.

– Правда? – просияло лицо у мальчика. – Тогда я бы уж точно тебе помог, не будь я Том Шоу! – пылко заверил он. – А теперь осторожно, Полли. Не поскользнься.

И мистер Томас с немыслимой для себя галантностью помог обеим девочкам выбраться из экипажа. Такое преобразование объяснялось довольно просто. Дома-то Тома по большей части ругали или одергивали, и характер его от этого делался все воинственнее, а манеры не улучшались. И вот он из добрых слов Полли вдруг понял, что в мире есть человек, который способен его оценить.

В тот же вечер после чая, пользуясь тем, что кухарка была отпущена на выходной и на кухне никого нет, Фанни захотела научиться у Полли готовить конфеты из черной патоки, и так как изо всех сил стремилась задобрить своего мучителя Тома, то пригласила принять участие и его, а Полли, со своей стороны, походатайствовала, чтобы и Мод поучаствовала в развлечении.

Все четверо спустились в просторную кухню, облачились в фартуки и, вооруженные кастрюлями, ложками и молотком, принялись под командованием Полли за дело. Том колот молотком орехи. Мод вылущивала из скорлупы ядра. А Фан ассистировала шеф-повару Полли, которая раскраснелась до цвета пиона, пока колдовала над чайником с бурлящей патокой. Трудилась маленькая команда столь увлеченно и слаженно, что конфеты должны были выйти самого высшего качества.

– Ну а теперь засыпайте орехи, – распорядилась наконец Полли.

Том тут же исполнил ее приказ, а остальные с интересом

следили за таинственным превращением темного варева в вожделенное лакомство.

– Смазываю маслом кастрюлю, выливаю в нее все из чайника, и, как только остынет, сможем есть, – объясняла по ходу свои действия Полли.

– Ой, да там ведь полно скоглупы! – заглянула в кастрюлю Мод.

– Гром и молния! Видать, я по ошибке орехи слопал, а скорлупу высыпал! – хлопнул себя по лбу Том, усиленно пряча глаза, сиявшие от успешно осуществленной выходки.

Девочки скорбно склонились над безнадежно испорченным варевом.

– Ты сделал это нарочно, а не случайно, гадкий ты пакостник! – с яростью прокричала Фан, пытаясь как следует стукнуть брата, который хихикал и с ловкостью от нее уворачивался.

Мод разразилась истошным воем. Полли начала было тыкать ложкой в кастрюлю, пытаясь хоть что-то спасти, но ее почти тут же отвлекли весьма бурные боевые действия, развернувшиеся поодаль. Сперва Фанни, словно совсем забыв, что ей уже целых шестнадцать лет и она молодая леди, зажала Тома в углу и как следует потрепала его за уши. Затем Том, не стерпев оскорбления, усадил разбушевавшуюся сестрицу в ведерко для угля и, удерживая ее левой рукой, правой хорошенько потрудился над ее нежными ушками. Лица обоих были свирепы. Из уст щедро сыпались друг

на друга ругательства.

Полли случилось и гневаться, и срываться, но она никогда не позволяла себе доходить до такой степени иступления и уж тем более драться с братьями и сестрами.

– Ой, не надо! Пожалуйста, не надо! – кинулась она разнимать потасовку. – Том, ты же ей делаешь больно! И ты, Фанни, его отпусти! Наплевать на конфеты! Мы можем новые сделать!

Ее расстроенный вид, как ушатом воды, загасил воинственный пыл дерущихся, которые замерли в полном смущении от того, в каком неприглядном виде предстали ей.

– Никому не позволю себя здесь толкать, – мотнул угрожающе головой Том. – Поэтому, Фан, советую лучше оставить меня в покое. – А затем, повернувшись к Полли, он уже совсем другим тоном добавил: – Я положил туда скорлупу, просто чтобы чуть-чуть поразвлечься. Может быть, сварить еще один чайник, а я опять наколю орехов. Давай, а?

– Нет, уходи! – погрозила ему липкой ладошкой Мод. – Ты нам здесь не нужен.

– Тихо, плакса, – осадил ее Том. – Я останусь и помогу. Можно, Полли?

– Ну, медведи же любят сладкое, – добродушно откликнулась та. – И, насколько я понимаю, конфет тебе хочется. У нас есть еще патока? Ту, что была в кувшине, мы уже использовали.

– Есть, – подтвердил Том. – Внизу. В подвале. Сейчас при-

несу.

Прихватив кувшин и лампу, он начал спускаться вниз, и, как только исчез из вида, Фанни замкнула дверь на задвижку.

– Вот теперь мы уж точно избавлены от всех его шуточек, – злорадно проговорила она. – Может там сколько угодно кричать и биться. Поделом ему. А выпустим, только когда конфеты будут готовы.

– Но мы же не сможем их сделать без патоки, – напомнила Полли, втайне надеясь, что из-за этого дверь поневоле придется открыть.

– Да ее и в кладовке полно, – заявила победоносно Фан. – А его выпускать не смей. Пусть, пока мы готовим, там посидит и поймет, что такому маленькому негодяю, как он, меня не сломить. Делай конфеты, а про него забудь. Иначе пойду расскажу, что он сделал, папе, и милому моему братцу прочтут большую нотацию.

Полли казалось, что это нечестно, но ей волей-неволей пришлось сосредоточиться на готовке. Мод канючила, торопя с конфетами. Фан помогала с варевом. Том сперва неистово колотил в закрытую дверь, затем принялся изрыгать различные варианты угроз, обещая, что, если его не выпустят, подожжет дом, выпьет все вино и разобьет все формочки для желе, а потом затих так надолго, что девочки совершенно забыли о нем.

И вот смесь наконец перелили в кастрюлю и вынесли на

улицу остывать.

– Теперь пора выпустить Тома. Мы с ним должны поделиться конфетами, – сказала Полли.

– Нет, – принялась возражать ей Фан. – Сначала нарежем конфеты, потом выложим их на красивую тарелку, а уж перед тем, как сбежать с ними, выпустим. Иначе ворвется в кухню и все их заграбастает себе.

Но когда девочки, захватив сверху тарелку, снова спустились на кухню и вышли сквозь заднюю дверь на улицу за кастрюлей, ее на месте не оказалось. К полному удивлению всех троих, она исчезла. Таинственно и бесповоротно.

Сокрушаясь и изумляясь нестройным хором, они пустились на поиски, которые не привели ни к каким результатам. Ну прямо будто сама судьба повелела, что этим вечером конфетам не быть.

– Может, кастрюля снег подтопила и внутрь провалилась? – Фанни принялась раскапывать руками сугроб, где стояла посуда.

– Может, конфеты угли стагие кошки? – предположила Мод. Она была до того потрясена пропажей, что, против обыкновения, даже не подумала заплакать.

– Калитка не заперта, – сообщила Полли, вернувшись с поисков в дальней части участка. – Возможно, какой-нибудь нищий зашел и взял. Ну, хоть бедняге на пользу пойдет.

– Если бы Том мог самостоятельно выбраться, я бы решила, что это он, – в растерянности проговорила Фанни. – Но

сквозь окошки подвала не пролезть никому больше крысы.

— Тогда давай отопрем его и расскажем, что случилось, — посоветовала Полли.

— Нет, он станет тогда издеваться над нами, — ответила Фан. — Просто откроем дверь и отправимся спать. А он пусть сам вылезает когда угодно. Вот вредина. Без его этой дурацкой шуточки мы бы так замечательно провели вечер.

Но, отперев дверь подвала, они испытали новое потрясение. Сколько девочки ни кричали, что закончили и уходят, ответом им была лишь гулкая тишина! Тома внутри не оказалось. Он исчез столь же таинственно, как и кастрюля. Фанни сделалось неуютно. Неужели это возмездие ей за то, что она позволила себе до такой степени разбушеваться?

Она уныло поднималась следом за девочками наверх, когда на втором пролете лестницы над перилами внезапно появилась сияющая физиономия. Три девочки замерли, словно при виде призрака, едва не покотившись от неожиданной остановки вниз по ступенькам. На них, торжествующе улыбаясь, смотрел Том, держащий в каждой руке по куску приготовленного ими лакомства.

— Ну а вам бы попробовать не хотелось? — спросил он, подмигнул им и взмыл вверх.

— Как ты умудрился выбраться? — выкрикнула Фанни.

— Люк для угля, — донесся гулкий ответ из сумерек наверху.

— Ну да, конечно же, — только сейчас поняла Фанни. — Он

открыл его, вылез на улицу, украл кастрюлю и, пока мы ее искали, проник в дом сквозь окошко сарая.

– Ох, ох! – слышался издевательский голос сверху. – Наши конфеты кошки украли!

Полли вдруг одолел такой приступ хохота, что колени ее подогнулись и она была вынуждена, сотрясаясь всем телом, сесть на ступеньку.

– Только оставь, пожалуйста, Мод хоть кусочек, – просто-напросто она, наконец обретя дар речи. – А то она так расстроилась. Нас с Фанни можешь не принимать в расчет. Мы уже даже думать не можем об этих конфетах. От одной мысли о них тошнит. И с тобой будет то же самое, если всё съешь один.

– Ложись, Мод, в постельку и пошарь у себя под подушкой, – напутствовал младшую девочку голос из тьмы, и, угостив напоследок присутствующих звонким мажорным соло на кастрюле, Том захлопнул дверь своей комнаты.

Совершенно измотанные событиями этого вечера, Полли, Фанни и Мод отправились спать.

Мод уснула счастливая, крепко прижав к груди липкий кулек, который был обнаружен ею там, где раньше еще никогда не лежали конфеты.

Полли одолел сон, едва голова ее коснулась подушки, а вот Фанни, несмотря на усталость, долго ворочалась с боку на бок. Голова у нее болела, а в сердце свербил досада, которая обязательно нас посещает следом за приступом гнева.

Вдруг в темноте мимо открытой двери проскользнула фигура в сером и, почти тут же вернувшись обратно, заглянула в дверной проем.

— Кто здесь? — вскричала Фанни так громко, что Полли проснулась.

— Это всего лишь я, дорогая, — ответил ей ласково бабушкин голос. — У Тома, бедняги, до ужаса разболелись зубы, вот я и поднялась поискать для него креозот. Тебе он просил об этом не говорить, но я не знаю, где стоит пузырек, а маму вашу будить мне не хочется.

— Он у меня в шкафу, — объяснила Фанни. — А старине Тому поделом за проделки.

— Вот прямо чувствовала, что наши конфеты впрок ему не пойдут, — рассмеялась Полли.

И на сей раз обе девочки дружно заснули, оставив мистера Томаса на попечении зубной боли и заботливой бабушки.

Глава III. Страдания Полли

С каждым днем, проведенным здесь, Полли все явственней убеждалась, что попала в новый для себя мир. Мир, где обычаи и привычки до того отличались от простой жизни у нее дома, что она все чаще задумывалась: стоило ли ей вообще приезжать сюда?

Ее истомила праздность. Сидеть часами в гостиной, обмениваясь новостями и сплетнями, наряжаться, неспешно фланировать по модным улицам, ну разве еще немножечко почитать какой-нибудь модный роман... Фанни такая жизнь нравилась, она к ней привыкла, да и не знала другой. Но Полли-то знала. И к исходу недели ее уже воротило от всего этого, как воротит здорового человека, если его начинают кормить одними лишь сладостями. Она ощущала себя маленькой лесной птичкой, которую посадили в золотую клетку.

Роскошь сама по себе ее впечатляла и нравилась ей. Она и сама ничего не имела бы против, будь у нее такое, но в то же время невольно задумывалась, почему, обладая всем этим, семья Шоу совсем не так счастлива, как могла бы? Полли пока не хватало ни опыта, ни мудрости разобраться в причине. Ей даже не приходило в голову сравнивать, какой образ жизни правильнее – здесь или у нее дома. Она просто знала, какой больше нравится ей самой, полагая, однако, что в этом тоже проявляется ее старомодность.

С друзьями Фанни ей было не слишком-то интересно. Они скорее вызывали в ней робость какой-то своей преждевременной взрослостью и темами разговоров. Многие из того, что они обсуждали, Полли вовсе не понимала, а когда Фанни принималась ей объяснять, не находила в этом ничего для себя занимательного, а то и смущалась, настолько какие-то вещи ее шокировали.

Девочки, в свою очередь, сначала поудивлялись госте по-други, а затем, посчитав ее слишком странной и маленькой для своего круга, ограничили отношение с ней равнодушной вежливостью. Полли в итоге стала общаться гораздо больше не с ними, а с Мод. Она ведь и дома много времени проводила в компании младшей сестры, которую обожала, и вместе им было всегда хорошо и весело.

Только, как выяснилось, и у Мод имелся «свой круг» юных леди пяти-шести лет, и этих малявок с головой поглощала собственная «светская жизнь». Они по примеру старших устраивали друг другу приемы и праздники, ходили на свои мюзиклы и неустанно оттачивали модные навыки и манеры. У Мод даже имелась собственная визитница, полная карточек, и она, подобно миссис Шоу и Фан, постоянно обменивалась визитами со своими ровесницами. А так как все это требовало соответствующей экипировки, у Мод были коробка тонких перчаток, набор шляпных булавок, разнообразнейший гардероб одежды, сшитой в полном согласии с последними веяниями парижской моды, и целый ящичек с

драгоценностями. И одевалась она не сама, а с помощью служанки-француженки.

Отношения с Мод налаживались у Полли с трудом. Порой она вообще не понимала, кто из них двоих старше, так как малышка ее постоянно одергивала за неправильные слова и манеры, хотя сама вела себя далеко не идеально. Зато если чувствовала себя плохо или впадала в нервозность, передавшуюся ей по наследству от мамы, в «миног», она неслась именно к Полли, чтобы та ее «газвлекла». Терпеливая ласковая гостья успокаивала Мод лучше, чем остальные обитатели дома, которых девочка почти перестала теперь тиранировать постоянными скандалами и капризами.

Потому что, рассказывая Мод какие-нибудь занимательные истории, или затеяв с ней увлекательную игру, или отправившись на прогулку, Полли испытывала точно такое же удовольствие, как ее маленькая подружка, и та мало-помалу начала отвечать ей привязанностью.

Отношения с Томом складывались сложнее. Таращиться на Полли он за столом перестал, видимо полагая, что ни одна девчонка не стоит его повышенного внимания. В этом Полли скорее его понимала, учитывая, какие девочки были ему до сих пор знакомы. А вот то, что он время от времени принимался ее дразнить, нравилось ей куда меньше.

Атаки Тома всегда заставляли ее врасплох. То он с воплями вылетал перед ней из-за двери, то вгонял в дрожь, выпрыгивая из темного закоулка дома, то хватал неожиданно за ноги,

когда она поднималась по лестнице, то, проходя мимо нее по улице, оглушительно свистел ей в ухо или дергал за волосы. Она множество раз просила его прекратить свои шуточки, но он в ответ разражался хохотом, уверяя, что поступает так исключительно для ее же блага. Мол, она чересчур застенчива и ее следует закалить, как других девчонок. Когда же Полли ему говорила, что ей не хочется быть похожей на них, он лишь ерошил рыжие кудри да смотрел на нее угрожающе, пока она, едва сдерживаясь от слез, не убегала.

И все же Том ей скорее нравился. Она видела, что он всеми заброшен. Никто из домашних не обращал на него внимания, предоставляя его самому себе. Можно было подумать, что он мешает своей родне, настолько отец, мать и сестры старались, как только он возникал на их горизонте, скорее от него отделаться. Миссис Шоу была с ним, в отличие от дочерей, крайне неласкова. Мистер Шоу, похоже, вообще не интересовался единственным сыном, вспоминая о нем лишь в моменты, когда тот заслуживал наказания за какой-то проступок. Фанни стеснялась его неотесанности, однако не делала ни малейших попыток хоть немного улучшить его манеры. А Мод с Томом и вовсе сражались, как кошка с собакой в несчастливом семействе. И только одна пожилая мадам действительно принимала во внуке участие, а Том, как не раз подмечала Полли, в свою очередь, старался для нее сделать что-нибудь приятное, только вот по-мальчишески этого очень стеснялся и с подчеркнутой грубоватостью называл

ее «старухой, которая вечно вокруг него суется». Стоило ему, однако, попасть хоть в малейшие неприятности, он напрямиком неся к ней и явно был рад именно этой «суете».

Полли нравилось, как Том относится к бабушке. Несколько раз она даже хотела ему об этом сказать, но одергивала себя, опасаясь, что похвалу в его адрес другие воспримут как осуждение за невнимательность к пожилой леди.

Бабушка, как и Том, была в этом доме совсем заброшена, что, вероятно, тоже способствовало их дружбе. На ее старомодность, куда более ярко выраженную, чем у Полли, родные махнули рукой, видимо полагая, что жить ей уже осталось недолго. Она не вмешивалась в их жизнь, а они – в ее, требуя лишь, чтобы «перед людьми» она всегда появлялась красиво одетой.

Время мадам проводила по большей части одиноко в собственных комнатах, полных старинной мебели, картин, книг и реликвий из прошлого, которые ни для кого здесь ничего не значили. Ежевечерне к ней ненадолго поднимался сын. Он был к ней по-своему добр, старался ее обеспечить всем необходимым, что только возможно купить за деньги, однако этим его внимание исчерпывалось. Ибо он был до того поглощен делами и заботами о приумножении богатства, что у него не оставалось ни сил, ни времени получать удовольствие от того, чем он уже обладал.

Мадам никогда не жаловалась, ни во что не вмешивалась и ничего никому не навязывала. Лишь по грустному флеру,

который, словно туманом, окутывал все ее существо, да по тоске, застывшей в поблекших глазах, можно было понять, насколько обделена она тем, что ни за какие деньги не купишь. Поэтому-то она тянулась к детям, стараясь при каждой возможности их приласкать и принять в них участие, как это умеют лишь бабушки.

Полли, успевшая и сама порядком соскучиться без домашней ласки, стала все чаще захаживать к пожилой леди, чьи комнаты словно бы населяли призраки детских лет тех, кто давно уже вырос. Ведь в сердце матери годы эти хранятся вечно и никогда не уходят из памяти. Но как же ей не хватало живого общения! При виде Полли лицо ее озарялось, и девочке тоже общаться с ней было так радостно и легко, словно мадам и впрямь приходилась ей родной бабушкой. «Вот бы еще и Мод с Фанни стали к ней поближе», – думала она часто, однако при всем желании не чувствовала себя вправе говорить им об этом и просто сама старалась уделять старой леди побольше внимания и ласки.

Чего решительно не хватало здесь Полли, так это физической нагрузки. Нарядиться, пофланировать медленным шагом час в день по улице, немножечко поболтать с кем-нибудь, стоя в дверном проеме, или проехаться в стильном экипаже по магазинам – вот, собственно, все, чем исчерпывалась у Фанни потребность в движении. Когда Полли однажды предложила ей пробежаться по крытой галерее, та впала в ужас, и Полли поняла, что попытки расшевелить ее тщетны. «Но

тогда как же быть мне самой?» – просто изнывала от неподвижности гостья.

Дома она постоянно бегала, ездила верхом, каталась на санках и на коньках, скакала через прыгалки, собирала сено, занималась садом, гребла на лодке. Стоит ли удивляться, что привычку к такому подвижному образу жизни совершенно не компенсировали прогулки со стаей девочек, которые на высоченных своих каблуках и в сковывающей движения вызывающе модной одежде были едва способны идти даже медленным шагом.

Когда Фанни отправлялась без нее в какую-нибудь компанию или на примерку очередной новой шляпки или просто читала, Полли выскальзывала одна из дома и тут уж, никем и ничем не скованная, летела, румяная от морозного воздуха, быстрым шагом сквозь совершенно немодную часть парка, где гуляли лишь няни с детьми, к ледяным горкам, с которых скатывались на санках мальчишки. «Вот бы и мне вместе с ними», – мечтала она и дома бы непременно последовала их примеру.

Как-то, уже незадолго до ужина, Полли так извелась от безделья, что отправилась очередной раз пробежаться. Тем днем на улице было морозно, но хмуро, однако к исходу его сквозь облака показалось солнце. Снег от него под ногами искрился, ветер утих, мороз слегка щипал щеки. Девочка, напевая себе под нос одну из любимых песенок, которая ей помогала прогнать тоску по родному дому, побежала вдоль

ровной, укутанной снегом галереи.

На горках катались вовсю, и Полли, как никогда раньше, охватило желание влиться в это веселье. В толпе мальчишек она заметила нескольких маленьких девочек. Живых, настоящих, в теплых капорах⁸, сапогах из резины и варежках. И она без оглядки на осуждение, которое ей наверняка высказала бы по этому поводу Фан, подошла к ним.

– Я бы хотела спуститься вниз, но мне страшно, – обратилась к ней тут же одна из девочек, которых высокомерная Фанни, конечно бы, назвала «простыми». – Горка уж слишком крутая.

– Ну если ты позволишь мне сесть на твои санки, то я возьму тебя на колени и прокачу, – загорелась Полли.

Девочки, смерив ее пытливыми взглядами, предложение приняли. Полли внимательно огляделась по сторонам. Горизонт оказался чист. Насколько хватало глаз, ни одной модной фигуры не наблюдалось. Полли села на санки и, устроив как следует у себя на коленях маленькую пассажирку, вихрем понеслась вниз с тем восторгом стремительного движения, который превращает катание с горок в одно из любимых занятий для всех нормальных детей.

По очереди прокатив одну за другой всех малышей, Полли вернула их снова наверх, а они смотрели на нее как на ангела, который спустился в сером пальто с небес, чтобы доставить им радость. И конечно же, охотно одолжили ей сан-

⁸ *Kápor* – женский головной убор.

ки, когда она захотела съехать с горы сама.

Она как раз завершала этот самый приятный и самый стремительный спуск, когда подле нее послышался очень знакомый свист и, прежде чем ей удалось соскочить с санок, возле нее возник Том, взиравший на нее с таким изумлением, словно застиг ее верхом на слоне.

– Ну и что же скажет по этому поводу Фан? – с ехидным видом осведомился он.

– Не знаю и знать не хочу. Не вижу ничего страшного в катании с гор. Мне это нравится, и, раз выпал шанс, я буду кататься.

И она с независимым видом покатилась снова. Волосы ее развевались на ветру, а лицо сияло от счастья, и его совершенно не портил ставший красным от холода нос.

– Так держать, Полли! – выкрикнул Том и, кинув плашмя свое тело на санки с полным пренебрежением к собственным ребрам, устремился следом за ней с горы.

На широкой дорожке внизу они поравнялись.

– И ты считаешь, тебе не попадет за это, когда мы вернемся? – в отнюдь не галантной манере спросил у нее юный джентльмен.

Счастье на лице Полли сменилось тревогой.

– Нет, если ты не доложишь. Но ты, конечно же, это сделаешь.

– Да, пожалуй, нет, – отозвался Том, который еще мгновение назад именно так и хотел поступить, но вдруг резко

изменил решение, как это нередко происходит с большинством мальчиков.

— Ну, тогда я сама расскажу, если они меня спросят, — сказала Полли и покатила санки наверх. — А если нет, промолчу. По-моему, в этом не будет ничего страшного. Тем более я ведь уверена: моя мама ничего не имела бы против. Так зачем понапрасну нервировать вашу, как ты считаешь? — вопросительно глянула она на своего спутника.

— Правильно мыслишь, — одобрил Том. — Будь уверена, я ничего не скажу. Давай-ка еще раз прокатимся.

— Ну если только разок. Они ведь уже собираются уходить, — указала на маленьких девочек Полли.

— Ну и верни им санки, — махнул рукой Том. — Они все равно у них никудышные. А вот мои — совершенно другое дело. Садись. Сейчас ты поймешь, что такое катание.

Полли устроилась спереди, а Том каким-то немыслимым образом, почти вися в воздухе, уцепился за санки позади нее, и головокружительный спуск, который они совершили, доказал, что мальчик расхваливал их не для красного словца.

Против такой «закалки» Полли совершенно не возражала, да и Тома как подменили. Забыв о браваре, он вел себя очень естественно и проявлял всю вежливость и предупредительность, на какую только способны мальчики его возраста, если они к кому-нибудь расположены. Полли вдруг совсем перестала его стесняться. И они замечательно проводи-

ли время, от души наслаждаясь занятием, которое их обоих так увлекало и радовало.

– Ну, теперь уж самый последний раз, – повторяли то он, то она, поднимаясь снова на горку.

– Нет, теперь уж действительно самый последний, – вновь произносилось после очередного стремительного полета вниз.

И эти «самые последние разы» следовали во множестве один за другим. Катаясь, болтая, смеясь, они совершенно не замечали, что солнце уже совсем закатилось за горизонт и померкло, и опомнились лишь в тот момент, когда бой городских часов возвестил о времени ужина.

– Опаздываем! Побежали! – всполошился Том, когда санки вынесли их на дорожку под горкой. – Да ты сиди, не вставай. Сейчас мигом тебя докачу до дома.

И не успела она подняться на ноги, как он, схватив привязанную к санкам веревку, ринулся на огромной скорости вперед.

– Ну и щечки, – с улыбкой глянул на Полли мистер Шоу, когда та, быстро пригладив перед зеркалом волосы, появилась в столовой. – Вот бы тебе такой цвет лица, Фанни, – перевел он глаза на бледную старшую дочь.

– Да у нее нос сейчас красный, как клюквенный соус, – бросила свысока Фан, поднимаясь лениво из кресла, где провела, свернувшись калачиком, целых два часа за чтением душещипательного романа «Секреты леди Одли».

Полли, закрыв один глаз, другим посмотрела на нос.

– Ну да. Так и есть, – весело констатировала она. И от избытка эмоций даже слегка подскочила на стуле. – Зато я неплохо провела время.

– И что тебе может нравиться в пробежках по холоду? – зябко поежилась от одной только мысли об этом Фанни.

– А ты попробуй сама, может, тогда и поймешь, – обменявшись взглядами с Томом, ответила ей подруга.

– Ты гуляла одна, моя милая? – Мадам ласково похлопала Полли по румяной щеке.

– Да, мэм. Но потом встретила Тома, и домой мы вернулись вместе. – Глаза у Полли при этом так блеснули, что Том поперхнулся супом и, пытаясь удержаться от хохота, уткнулся в салфетку.

– Выйди из-за стола, Томас, – нахмурился мистер Шоу.

– Ой, сэр, пожалуйста, не прогоняйте его, – тут же вступилась за мальчика Полли. – Это ведь я рассмешила его.

– А что было смешного-то? – с недоумением произнесла Фанни.

– И зачем тебе надо его гассмешать, когда он все время тебя заставляет плакать? – вмешалась в разговор Мод.

– Чем же, позвольте полюбопытствовать, вы занимались, сэр? – строго воззрился мистер Шоу на сына, который был все еще красен, однако уже не смеялся и лицо салфеткой не прикрывал.

– Всего лишь катался с горки, – буркнул он, кипя от него-

дования на отца, который вечно к нему придирался по поводу каждой мелочи, в то время как сестры могли спокойно творить почти все, что угодно.

– И Полли тоже на гогках была. Я видела. Мы с Бланш возмущались домой, а они в пагке на санках катались. А потом Том Полли на них усадил и сюда привез, – с полным ртом еды доложила Мод.

– Не может быть! – впала в столь сильное возмущение Фанни, что у нее даже выпала из рук вилка.

– Очень даже может. И мне очень понравилось, – хоть и с некоторой тревогой, но напрямик объявила Полли.

– И тебя видели? – с ужасом выдохнула подруга.

– Только какие-то маленькие девочки, ну и, конечно же, Том, – ответила Полли.

– Это ужасно неподобающе, – осуждающе покачала головой Фанни. – Том, хоть бы ты объяснил ей, раз сама она не понимает. Я просто умру, если вдруг выяснится, что ее там видел кто-нибудь из моих знакомых, – добавила она уже чуть ли не со слезами в голосе.

– Вот уж подумай. Что тут страшного-то! – воскликнул Том. – Почему это Полли нельзя кататься на санках, если ей нравится? Правда ведь, бабушка? – решил он привлечь на их сторону мощного союзника.

– И мама мне разрешает, – подхватила Полли. – Помому, нет никакой беды в том, чтобы с удовольствием показаться.

– Люди в провинции делают многое из того, что здесь совершенно не принято, – бросила свысока миссис Шоу и собиралась явно добавить что-то еще в том же духе, но ее перебил мистер Шоу:

– Ну пусть и делает, если ей это нравится. И берет с собой Мод. Как хорошо, что у нас в доме появилась хоть одна живая девочка, – вынес вердикт он, и спор на этом был завершен.

– Спасибо, сэр, – поблагодарила Полли и кивнула Тому.

– Все в порядке! – телеграфировал тот в ответ, после чего накинута на еду, как голодный волк.

– Ну ты и хитрюга. С Томом флирт начала, – с крайне многозначительным и ехидным видом шепнула на ухо подруге Фанни.

– Что-о? – до такой степени удивилась и возмутилась Полли, что Фанни спешно перевела разговор на другое, объявив миссис Шоу, что ей просто необходима новая пара перчаток.

Полли молча справилась с ужином и поспешила наверх. Ей необходимо было остаться одной, чтобы обдумать как следует все, что произошло, однако на середине лестницы ее нагнал Том. Заметив его, она тут же села на ступеньку, чтобы он, по обыкновению, не схватил ее за ноги.

– Клянусь честью, не буду, – смеясь, уселся он на перила. – Я просто хотел спросить, пойдем завтра снова с гор кататься?

– Нет, – опустив глаза, ответила Полли. – Я с тобой не могу пойти.

– С ума, что ли, сошла? – ошарашила ее реакция Тома. – Я ведь не ябедничал.

– Да, ты сдержал обещание. И спасибо тебе за поддержку. Но и я не сошла с ума. Просто не стану больше кататься с горок, раз твоей маме не нравится.

– Маме не нравится? – удивился сильнее прежнего Том. – Вот только не ври, что ты из-за этого. Ты мне кивнула, после того как она высказалась, и тогда ты собиралась пойти. Говори, в чем причина?

– Не скажу, но и не пойду, – был ему твердый ответ девочки.

– Эх, – с сожалением выдохнул Том. – А мне показалось, что ты умнее других девчонок. Но нет. Ты, выходит, такая же, и теперь я даже и шести пенсов не дам за тебя.

– Очень вежливо, – начала сердиться она.

– Ненавижу трусов, – парировал Том.

– Я не трусиха, – защищалась она.

– Вот именно что трусиха! – Мальчика охватывало все большее разочарование. – Испугалась, что люди о тебе скажут. Ведь так?

Полли сама понимала: по-другому слова ее не воспримешь. Пойми Том истинную причину ее отказа, возможно, не впал бы в такое негодование, но о ней она предпочла умолчать.

– Так и знал, что пойдешь на попятную, – бросил ей напоследок недавний союзник и, вскинув голову, удалился.

«Ой, как жалко, — сжалось сердце у Полли. — Он ведь был очень добр ко мне. И мы с ним завтра наверняка очень весело провели бы время на горке. Зачем только Фанни ляпнула эту глупость про флирт! Теперь, согласись я завтра пойти вместе с Томом кататься, поднялся бы шум. Миссис Шоу бы не понравилось. И бабушке, наверное, тоже. А Фан бы стала меня изводить своими шуточками и намеками. Нет уж, пусть лучше Том считает меня трусихой. Ох, никогда еще таких странных людей не встречала!»

И, охваченная досадой на странный мир, где даже совсем еще крохотные девочки играют в любовь, а за невинным катанием на санках с мальчиком тут же усматривается флирт, Полли, поднявшись наверх, с силой захлопнула за собой дверь. Потому что в ее семье любовь считалась очень серьезным, ответственным и священным чувством, а вот флирт как раз осуждался, в отличие от катания с горок, пусть и съедешь с них дюжину раз подряд. Поэтому Полли была изрядно потрясена, когда днем раньше услышала такую беседу Мод с миссис Шоу:

— Мама, а у меня должен быть ухажер? У всех других девочек есть. Мне советуют выбгать себе Фгедди Ловелла. Но я бы сама лучше выбгала Хауги Фиска.

— Ну конечно же, — отвечала спокойно и весело ей миссис Шоу. — Я бы на твоём месте обязательно себе выбрала какого-нибудь маленького возлюбленного. Это ведь так забавно.

И чуть погодя Мод с гордостью сообщила, что отныне

«обгучена» с Фредди, а Хаури Фиск оказался «пготивным» и в ответ на ее предложение стать ухажером стал «дгаться».

Полли в тот момент посмеялась вместе со всеми над этим, однако после задумалась: как бы отреагировала на подобное ее мама? Наверняка бы ей показалось такое совсем не забавным. Вот почему, слегка поостыв от восторга, испытанного от катания с Томом, Полли решила: лучше уж отказаться дальше составлять ему компанию, чем между ними возникнет какая-нибудь ерунда, пусть даже из-за своей заброшенности он и понятия не имеет о модном среди его сверстников флирте.

И начиная со следующего дня Полли стала себя развлекать другими занятиями. Прыгалки во дворе. «Гимнастика», как называла их подвижные игры Мод, в просторной комнате для сушки белья. Фанни тоже порой заходила к ним показать фигуры какого-нибудь модного танца, а затем незаметно втягивалась в их упражнения, что ей было весьма полезно. Только вот Том теперь демонстративно не обращал на Полли внимания, выражая при встречах с ней всем своим мужественным видом, что она не стоит в его глазах и шести пенсов.

Сама же Полли чем больше времени жила в гостях, тем сильнее испытывала недовольство своей одеждой. Она казалась теперь ей слишком простой, некрасивой и скучной, и ее все чаще охватывали мечты, как было бы славно, если бы ее синие и серые шерстяные платья оказались получше скрое-

ны, на поясах появились бы банты, а на рюшах стало больше кружев. Еще ей хотелось бы заиметь медальон, а хорошенькие коричневые кудряшки собрать на макушке в модный пучок.

Кончилось тем, что она спросила у мамы в письме разрешения переделать лучшее свое платье, чтобы оно стало такого же фасона, как носит Фан. Ответ последовал незамедлительно: «Нет, дорогая! Платье твое должно оставаться таким, как есть. Поверь уж: простые фасоны идут тебе куда больше. Ведь в том-то и суть, что старая мода обращает внимание не на платье, а на красоту самого человека. Вот и пусть мою милую Полли любят за это, а не за всякие рюши и фестончики. Оставь их другим, а сама носи то, что с таким удовольствием для тебя сшила мама. Возможно, ты этим сослужишь добрую службу и окружающим, которые, глядя на твое счастливое свежее лицо и восхищаясь твоим чистосердечием, поймут: они-то и есть наши лучшие украшения и никаким изыскам парижской моды с ними не сравниться».

Тебе хочется медальон? Ну что же, изволь. Посылаю тебе тот, который сама, уже очень давно, получила в подарок от мамы. Внутри его ты найдешь с одной стороны портрет папы, а с другой – мой. Гляди на них каждый раз, как окажешься в плохом настроении или жизнь твою омрачат проблемы. Уверена: наша любовь к тебе осветит твою душу солнцем».

Медальон действительно стал для Полли на многие годы верным и вдохновляющим спутником. Она носила его

на груди под платьем, и стоило ей в минуты душевных смятений раскрыть его, вглядываясь в два любящих и родных лица, как даже вдали от дома тревоги ее оставляли, сердце преисполнялось уверенностью и она твердой походкой шла дальше по жизни, заражая своим оптимизмом и верой в лучшее всех, кто ее окружал. Одежде простых фасонов она тоже с тех пор хранила приверженность. И многие, очарованные сиянием внутренней красоты, исходящей от этой девушки, поневоле задумывались: а не стоит ли им самим оформлять себя так же?

Но еще до того, как дошли до нее мамины письмо и посылка, Полли все-таки поддалась одному искушению и потом очень осуждала себя за слабость.

– Ох, Полли, мне бы так хотелось тебя называть твоим вторым именем Мари`, – сказала Фан, когда они однажды вместе пошли в магазин.

– Можешь звать меня Мэри, потому что это мое второе имя, но на Мари` не согласна, – твердо возразила та. – Это звучит слишком уж на французский манер.

– Да я свое имя тоже всегда произношу на французский манер: Фанни`, – ничуть не смутилась подруга. – И все остальные девочки тоже стараются, чтобы их имена на французские походили.

– А вы сами не слышите, как это глупо? – засмеялась ее спутница. – Я что, теперь тоже должна себя называть Полли`?

– Ладно. Не хочешь – не называй, – отмахнулась Фан. –

Но вот что тебе совершенно необходимо, это ботинки бронзового цвета, – с многозначительным видом объявила она.

– Но у меня и так достаточно обуви, – пожала плечами Полли.

– Бронзовые ботиночки сейчас очень модны. Как ты не понимаешь? Без них наш образ неполон. Я как раз собираюсь их купить, и тебе тоже нужно.

– Но они же, наверное, очень дорого стоят, – по-прежнему сомневалась Полли.

– То ли восемь долларов, то ли девять. Точно не знаю, – откликнулась Фанни. – Мне все покупки записывают на папин счет. А если тебе на них не хватит денег, могу одолжить.

– У меня есть десять долларов, которые я могу потратить, на что мне захочется. Но я собиралась купить подарки братьям и сестрам, – сказала Полли и с нерешительным видом вытащила из сумочки кошелек.

– Значит, можешь себе спокойно купить ботиночки, – продолжила уговоры Фанни. – А подарки пусть тебя не тревожат. Наша бабушка может тебе показать, как их сделать своими руками.

– Ладно, пойду погляжу на них, – ответила Полли и последовала за подругой внутрь обувного магазина, ощущая себя богатой и важной, раз ее денег хватает на модную дорогую покупку.

– Ну, теперь сама видишь, насколько они прекрасны? – спросила Фанни, когда продавец надел Полли на ногу изящ-

ный ботиночек с вырезанным фестонами верхним краем, бойким каблучком и изящным острым мыском. – Купи их к моей вечеринке, и будешь в них танцевать, как фея.

И Полли, залюбовавшись собственной ножкой, которая и впрямь очень изящно выглядела в этом ботиночке, приняла решение:

– Покупаю.

Все было прекрасно до той поры, когда, возвратившись домой, она глянула сперва в кошелек, где лежал теперь сиротливо одинокий доллар, а потом на список вещей, которые собиралась купить в подарок маме, папе и братьям с сестрами.

– Ну вот, – сокрушенно всплеснула руками она. – Теперь мне не хватит ни на коньки для Нэда, ни на парту для Уилла. А ведь они так этого хотели. И папа без книжки останется. И мама без кружевного воротничка. Как я могла быть такой эгоисткой, чтобы потратить все на себя! Как я могла!

И ботиночки, стоявшие перед ней в третьей позиции, словно уже готовые к вечеринке Фанни, вдруг совсем перестали ее радовать.

– Нет, они, конечно, прекрасны, – сказала самой себе Полли. – Но я вряд ли буду в них счастлива, если теперь не смогу порадовать близких. Пойду-ка узнаю у бабушки, можно ли хоть чем-то это исправить? А если да, то я должна скорее приниматься за дело. Подарки ведь мне нужны для всех.

Старая леди оказалась на высоте. Мало того что приду-

мала замечательные вещи, но и обеспечила девочку всеми необходимыми материалами, а также множеством добрых советов, как справиться самым лучшим образом с этим множеством рукоделий.

Полли тут же принялась вязать для мамы хорошенькие белые ночные носки с розовыми ленточками. За работой она, однако, время от времени тяжело вздыхала, словно на сердце у нее лежал камень. А если бы вы у нее спросили, в чем дело, она бы вам честно ответила: «В бронзовых башмачках».

Глава IV. Важные мелочи

– На улице такой дождь, что выйти нельзя. А дома все такие сегдитые, что со мной не хотят иггать, – ответила сидящая на ступеньках Мод, когда Полли спросила, почему она так свирепо и громко воет.

– Ладно, давай поиграю с тобой, – вызвалась Полли. – Только, пожалуйста, замолчи, а то маму разбудишь. Ну, во что мы играем?

– Не знаю, – буркнула ее маленькая собеседница. – Мне все надоело. И иггушки мои все сломаны, кгеме Клаги, – дернула она за ногу свою французскую куклу, которую небрежно держала вниз головой.

– А я вот как раз собираюсь сейчас шить одежду для куклы своей младшей сестры, – весело объявила Полли. – Хочешь пойти посмотреть? – Она надеялась развлечь Мод и одновременно закончить работу.

– Не хочу! – топнула ногой та. – Потому что тогда эта кукла будет выглядеть лучше, чем моя Клага. С нее ведь нельзя снять одежду, а Том ею недавно иггал как мячиком во двоге и всю испачкал.

– Давай тогда срежем ее одежду, и я тебе покажу, как сшить новую, которую ты с нее сможешь снимать и опять надевать, – нашла выход Полли.

– Давай, – тут же повеселело лицо у Мод. – Гезать я очень

люблю.

Обе, расположившись в пустой столовой, принялись за работу, и чуть позже зашедшая сюда Фанни стала свидетельницей крайне забавной сцены: Мод, заливисто хохоча над лишенной шикарного парижского платья Кларой, заставляла ее выделявать на столе залихватские танцевальные па.

– Ну ладно еще она, – поморщилась Фан. – Но тебе-то, Полли, должно быть стыдно играть в куклы. Я вот до них давно уже не дотрагиваюсь.

– Вот уж совсем не стыдно, – ответила ей с улыбкой подруга. – Смотри, как развеселилась Мод. И сестре своей я доставлю огромное удовольствие тем, что сошью для ее куклы. Гораздо, по-моему, интереснее, чем прихорашиваться по десяти раз в день или тратить время на чтение глупых, пустых романов.

И Полли снова сосредоточилась на своем рукоделии.

С Фанни они ранним утром немного поконфликтовали. Поводом послужила прическа гостыи, которую Фан порывалась сделать такой же, как у своих подруг, на что Полли категорически не согласилась, а Фан из-за этого разозлилась.

Теперь ей уже было неловко за свою вспыльчивость, к тому же сделалось скучно в одиночестве, и она виновато произнесла:

– Ладно, милая, не сердись. Лучше пойдем займемся чем-нибудь интересным.

– Не могу. Я уже занята, – сосредоточенно работала игол-

кой Полли.

– Ты всегда чем-нибудь занята! Ни разу еще такой девочки не видала! – воскликнула с возмущением Фан. – И как ты всегда умудряешься не скучать? – с любопытством воззрилась она на подругу, которая уже надевала на куклу красивое шерстяное платье.

– Потому что мне всегда есть чем заняться. Только не думай, что я иногда не люблю, как ты, полежать на диване с книжкой в руках или попросту отдохнуть и о чем-то спокойно подумать. Лучше скажи, как считаешь, к этому платью лучше подойдет фартук из белого муслина или из черного шелка? – спросила Полли, с удовольствием глядя на результат своего труда.

– Белый муслиновый, – убежденно проговорила Фан. – С кармашками и красными и голубыми бантами. Сейчас я тебе покажу.

И, внезапно забыв о презрительном отношении к куклам, которое совсем недавно категорически высказала, Фанни уселась за стол и взялась за шитье не менее увлеченно, чем две остальные девочки.

Скучного дня с затяжным противным дождем будто и не бывало. Время в столовой для девочек полетело быстро и весело. В их пальцах мелькали иголки с нитками, в унисон с шитьем лилась беседа, для которой они находили всё новые темы.

– Шейте, шейте, мои дорогие, – поглядела на них с улыб-

кой заглянувшая в столовую бабушка. — Куклы такие славные компаньонки. И шить для них просто дивное удовольствие. Только, Мод, делай стежки поменьше. А ты, Фан, потщательнее обметывай петли. И кроить следует поточнее, — перевела она взгляд на Полли. — Иначе ведь изведешь понапрасну ткань. Давайте-ка так: та из вас, кто лучше всех справится, получит в награду кусок белого шелка на кукольный капор.

И Фанни, услышав это, вдруг начала работать с таким азартом и рвением, что удостоилась приза. Ведь она шила только свое, а Полли вынуждена была постоянно отвлекаться на Мод, которой показывала то одно, то другое. Зато мистер Шоу, залюбовавшись тремя сияющими лицами за столом, сказал:

— Вот это Полли! Какое устроила яркое солнце в ненастный день!

— Ну что вы, сэр, — зарделась от похвалы девочка. — Я всего-навсего помогла Мод сделать новое платье для куклы.

И она действительно так считала. Просто ведь существуют вроде бы маленькие и совсем незначительные задачи, за которые тем не менее надо кому-то взяться, и тот, кто первый решился на это, развеет хмурь и ненастье. Немного бескорыстия, доброты и отзывчивости, и глядь — тучи, заставшие горизонт, рассеялись, и вас овеивает теплый ласковый свет даже в плохие и не сулящие радости дни. А ведь таких дней никому из нас не избежать.

Этот свет щедро и бескорыстно изливают на своих чад любящие матери. И его в избытке было дома у Полли, где все с такой чуткостью относились друг к другу. А вот в семье Шоу его не хватало. И, удивляясь, насколько каждый живет здесь сам по себе, лишенный участия и теплоты остальных, Полли старалась сама проявлять к ним участие. Забота ее была ненавязчива, но именно этим и располагала, и в какой-то момент обитатели холодноватого дома Шоу вдруг начали чувствовать, каждый по-своему, что она им просто необходима.

Даже вечно занятый чем-нибудь мистер Шоу делался с каждым днем все добрее и внимательнее к юной гостье. Он сам не уловил, с какого момента она вдруг начала по утрам выходить на улицу вместе с ним, настолько естественными и ненавязчивыми стали их прогулки. Пока мистер Шоу деловито следовал сквозь парк на работу, Полли развлекала его веселой беседой, а на прощание непременно с улыбкой желала ему хорошего дня. И вскорости мистер Шоу, поначалу вообще едва замечавший ее присутствие, вдруг поймал себя на ощущении, что чего-то не хватает, когда она в силу каких-нибудь обстоятельств не могла составить утром ему компанию.

Возвращаясь теперь домой, он видел в окне головку с коричневыми кудряшками, в передней находил заботливо приготовленные для него тапочки, а в гостиной — газету, лежащую именно на том месте, где нужно, и саму Полли, готовую о нем позаботиться.

«Как мне хотелось бы, чтобы Фанни была на нее похожа», — думал все чаще глава семьи Шоу, украдкой наблюдая за девочками из-за развернутой газеты, когда им казалось, что он, поглощенный какими-то политическими или экономическими новостями, вовсе не замечает их присутствия. И с этой мыслью его начинало охватывать чувство чего-то почти безвозвратно упущенного. Ибо за кучей заботивших его дел у него не нашлось сил и времени с теплотой и отзывчивостью относиться к детям. А чувства такие должны идти с двух сторон, источник их быстро пересыхает, если постоянно наталкивается на равнодушие.

Полли своим отношением разбудила в мистере Шоу желание изменить атмосферу в семье, но он совершенно не знал, как это сделать, с чего начать, смогут ли дети увидеть в нем что-то иное, кроме замкнутого в себе и безучастного к окружающим субъекта, к которому никто из них не обращался без крайней надобности.

И вот вскорости в этой преграде, столь опрометчиво возведенной им между собой и детьми, появилась первая брешь. Это произошло как-то вечером, когда девочки перед сном пожелали всем спокойной ночи и Полли поцеловала бабушку.

— Ну ты прямо как ребенок, — фыркнула Фанни. — Знаешь ли, мы уже слишком взрослые для подобных нежностей.

— А мне не кажется, что для этого можно когда-нибудь стать слишком взрослой, если кого-то любишь, — ответила

гостья.

– И ты совершенно права, дорогая! – воскликнул вдруг с такой пылкостью находившийся здесь же глава семейства, что Фанни в совершеннейшем изумлении пробормотала:

– А мне казалось, тебе такое совсем не нравится, папа.

– Нет, дорогая, мне очень нравится, – простер к ней руки отец, и она, мигом забыв, что подобные нежности взрослым девушкам не пристали, запечатлела у него на щеке поцелуй.

Миссис Шоу в свойственной ей манере тоже была привязана к Полли. Кто еще, кроме этой девочки, мог в периоды частых ее недомоганий так весело и с такой заботой откликаться на ее раздраженный зов и исполнять множество ее требований и поручений. Полли часами читала ей вслух, занимала ее разговором и по первому требованию отыскивала одну из ее бесчисленных шалей, которые та меняла по многу раз в день.

Ну и конечно же, бабушка души не чаяла в гостье. Ведь Полли не просто наносила ей визиты вежливости, а с удовольствием проводила время в ее старомодных комнатах, осваивая искусство самого разнообразного рукоделия или просто наслаждаясь беседой с ней. Пожилая леди впервые за много последних лет вновь начала ощущать себя нужной и интересной кому-то, а с этим жизнь ее обрела давно утраченную насыщенность.

С Томом все складывалось сложнее. То он вел себя с Полли очень по-доброму, то вдруг принимался дразнить ее и пу-

гать, и ей было всегда неясно, что за причина превращает этого мальчика из ее друга, с которым так хорошо и весело проводить время, в подлинное стихийное бедствие. Порой спокойная полоса длилась достаточно долго, и Полли уже готова была подумать, что он стал другим, но потом он снова принимался за свое. Какое-то время спустя она просто махнула рукой на все его выверты, однако по-прежнему оставалась к нему участливой, ибо попросту не могла поступать по-другому, если видела, что способна кому-то помочь.

– Что это с тобой? Урок слишком трудный? – осведомилась она как-то вечером, покосившись на ту часть стола, где сидел мрачный Том, окруженный потрепанными учебниками.

В глазах у него застыли уныние и растерянность, и он с такой силой сжимал себе голову, вздыбив пальцами и без того вечно взъерошенную шевелюру, будто боялся, как бы без этой страховки она не лопнула от неимоверного напряжения.

– Слишком трудный? – взвыл в ответ он. – Да мне какое дело до этих древних карфагенян! Регул был, конечно, славный полководец, но он у меня уже в печенках сидит! – И Том врезал в сердцах кулаком по хрестоматии Харкнесса для чтения на уроках латинского языка.

– А мне латынь нравится, – улыбнулась Полли. – Я с удовольствием занималась ею вместе с Джимом. Покажи-ка, что там у тебя за текст. Вдруг я сумею помочь тебе, – предложила она после того, как Том, промокнув платком распаренное

лицо, освежил себя щедрой порцией арахиса.

– Ты? Да девчонки вообще ничего в латыни не смыслят, – бросил презрительно Том.

Полли давно успела привыкнуть к подобному проявлению благодарности и признательности с его стороны, а потому, ничуть не обидевшись, глянула на замызганную страницу латинского текста, посередине которого Том застрял, и так хорошо начала читать его, что пораженный мальчик, забыв об орехах, уставился на нее и с изумлением слушал, пока она не умолкла.

Восхищение, впрочем, недолго владело им, и в следующий момент он, буравя ее исполненным подозрения взглядом, изрек:

– Знаем мы эти ваши девчачьи хитрости. Специально ведь подготовилась загодя, чтобы пустить пыль в глаза. Только меня не надуешь, мэм. Перелистни-ка с дюжину страниц и снова попробуй мне почитать. Вот тогда-то я посмотрю, как ты ловко справляешься с латынью.

Полли послушно перевернула страницы и вновь принялась читать даже более гладко, чем в первый раз.

– Не пытайся меня подловить, Том, – засмеялась она, завершив фрагмент. – Я эту книгу давно уже одолела.

– И откуда ты столько всего знаешь? – снова впал в изумление он.

– Папа разрешил нам с Джимом учиться вместе на всех уроках, вот я изо всех сил и старалась от него не отстать, –

начала объяснять она. — Знаешь, это было так здорово. Мы оба до удивления быстро справлялись с любыми заданиями.

— А ты расскажешь про Джима? Это твой брат? — заинтересовался Том.

— Да. Он мой брат, — резко вдруг погрузнела Полли. — Только, ты знаешь, он умер. Может быть, как-нибудь в другой раз расскажу о нем. А теперь давай лучше позанимаемся. По-моему, я сумею помочь тебе.

И Том заметил, как она украдкой смахнула с глаз слезы.

— Не удивлюсь, если сумеешь, — на сей раз на полном серьезе откликнулся он и с деловитым видом подвинул свою хрестоматию таким образом, чтобы текст теперь видели они оба.

Полли одержала над ним победу. Мужское достоинство было этим сильно уязвлено. В стремлении отстоять свою честь он навалился изо всех сил на трудное домашнее задание, а девочка время от времени что-то ему подсказывала. Дело шло у них очень бойко, пока не застопорилось на правилах, которые Тому следовало выучить наизусть.

Он их не знал, а Полли забыла, поэтому они принялись хором заучивать их. Том бормотал, засунув руки в карманы и раскачиваясь из стороны в сторону, а Полли за ним повторяла, накручивая на указательный палец завиток волос, нависавший над ее лбом.

— Закончил! — наконец выкрикнул Том.

— Закончила! — эхом отозвалась Полли.

А затем они принялись проверять друг друга и не оставляли стараний до тех пор, пока не ответили без запинки на все вопросы.

— А ведь весело вышло! — расхохотался счастливый Том, с облегчением отшвырнув в сторону ни в чем не повинного Харкнесса. Он и представить себе не мог до этого момента, что в хорошей компании даже изучение латинской грамматики превращается во вполне приятное занятие.

— Ну что, мэм, — подмигнул он задиристо Полли. — А не возьмемся ли мы теперь с тобой за алгебру? Мне, например, она нравится куда больше латыни.

Вызов Полли без колебания приняла и почти тут же вынуждена была признать, что в этой дуэли победа явно останется за соперником. Это сильно повысило самооценку Тома, но торжества своего он ни словом, ни даже жестом не выказал, а принялся терпеливо объяснять девочке то, в чем она не разобралась, так смешно имитируя по ходу повадки мудрого учителя Домини Дина из романа Элвиса Паркера Баттлера, что Полли просто заходилась хохотом.

— Можем снова позаниматься, как только захочешь, — великодушно предложил Том, отправляя учебник алгебры следом за латинской хрестоматией.

— Тогда с удовольствием стану присоединяться к тебе каждый вечер, — обрадовалась девочка. — А то я с тех пор, как приехала к вам, совершенно не занималась. Давай ты попробуешь заразить меня алгеброй, а я постараюсь, чтобы ты по-

любил латынь.

– Да мне она, в принципе, нравится, – признался Том. – Вот если бы раньше мне кто-нибудь смог все так хорошо объяснить, как ты. А то ведь учитель наш, старина Дин, даже времени не дает, чтобы задать вопросы, которые возникают при чтении текстов.

– Мог бы спросить у отца. Он-то наверняка знает, – сказала Полли.

– Вот уж совсем не уверен, – проворчал Том. – А если бы даже и был уверен, спрашивать бы у него не стал.

– Но почему же? – не поняла девочка.

– Надо мне его беспокоить, – обиженно произнес мальчик. – Не очень-то, знаешь ли, хочется, чтобы тебе сказали, что ты тупица, или к тому же надрали уши.

– Вот странно, – пожала плечами Полли. – Он всегда отвечает на кучу моих вопросов и так ко мне добр.

– Ну, значит, ты ему нравишься больше, чем я.

– Нет, Том, такого не может быть, – покачала головой Полли. – Разумеется, он тебя любит больше.

– Что же он мне никогда этого не показывает? – покосился угрюмо мальчик на плотно закрытую дверь библиотеки, где сидел в это время его родитель.

Девочка на мгновение задумалась, пытаясь понять причину, и наконец назвала единственную, что пришла ей в голову:

– Ну, наверное, потому, что ты так ведешь себя.

– Тогда почему бы ему не купить мне велосипед? Он ведь

мне обещал: если я целый месяц буду хорошо учиться, то получу его. И вот я уже шесть недель надрываюсь, как раб на галерах, а он так слова и не сдержал. Девочки-то получают все, что им хочется. Они просто не отстают от него, пока своего не добьются. А я так не могу, – гордо вскинул голову Том. – Но и до смерти себя доводить учением тоже не собираюсь.

– Да, вышло, конечно, нехорошо, – признала Полли. – Но, вообще-то, учиться как следует нужно просто так, – сочла своим долгом добавить она, хотя от души и сочувствовала ему.

– А вот читать мне мораль не надо, – сердито возрился на нее Том. – Если бы предка действительно волновало, как я там учусь и все прочее, если бы он хоть немного обращал на меня внимание, то мне бы и подарков от него никаких не понадобилось. Но ему на меня вообще наплевать. Даже не поинтересуется, как у меня прошел последний день декламаций. А я, между прочим, читал на нем «Битву при Регильском озере», потому что предку очень нравится эта вещь.

– Ой, Том, ты выучил это! – воскликнула Полли. – Как здорово! Мы с Джимми тоже декламировали про полковника Горация. Прочтешь мне свой отрывок? Мне так нравятся «Песни Древнего Рима» Маколея.

– Но это же очень длинно, – принялся вроде бы возражать Том, хотя по сияющему его лицу было видно, что он просто жаждет блеснуть перед ней выразительной декламацией.

Начал он вяло, без вдохновения, но мало-помалу воинственный дух строк Маколея распалил его, и захваченный атмосферой битвы древних карфагенян Том взвился на ноги, голос его зазвучал подобно раскатам грома, а глаза засияли такой отвагой и мужеством, будто он сам очутился на поле боя и готов был сразиться насмерть с грозным врагом.

Полли слушала затаив дыхание, и у нее даже мурашки бежали по телу. Но она была не единственным слушателем этой и впрямь замечательной декламации. Мальчик с девочкой не заметили, как плотно закрытая дверь библиотеки бесшумно отворилась и в проеме ее застыла фигура мужчины.

Но вот Том замолчал, тяжело дыша, Полли в восторге зааплодировала, и за спиной ее раздались вдруг еще чьи-то аплодисменты, громкие и отчетливые. Это хлопал в ладоши не кто иной, как сам мистер Шоу.

– Правда, сэр, у него потрясающе получилось? – даже подпрыгнула от избытка эмоций Полли. – Возможно, теперь он получит велосипед?

– Великолепно, Том, – с чувством проговорил мистер Шоу. – Уверен, ты можешь стать настоящим оратором. Когда выучишь что-нибудь снова, обязательно скажи мне, с удовольствием тебя послушаю. Эй, а к велосипеду-то ты готов?

Том внимал похвале отца, покрасневший от счастья. Он с трудом верил глазам и ушам. «Значит, Полли была права и предок на самом деле любит меня и ценит!» – пронеслось у него в голове. Открытие это повергло его в столь сильное

ликование и одновременно растерянность, что он какое-то время лишь немо взирал на мистера Шоу, изо всех сил теребя пуговицу на своем пиджачке. А потом, обретя вновь дар речи, выпалил на одном дыхании:

– Спасибо, сэр! Именно так непременно и сделаю, сэр! Готов, сэр!

– Вот и славно, – улыбнулся ему отец. – В таком случае завтра же ожидай своего «скакуна».

И мистер Шоу ласково потрепал Тома по рыжим кудрям, про себя с удовольствием отмечая: «Нет, в этом оболтусе что-то определенно есть».

На следующее утро Том действительно стал счастливым обладателем велосипеда, которого тут же нарек Черным Остером в честь коня из «Битвы при Регильском озере». «Конь», однако, оказался норовист, и доблестному всаднику пришлось испытать немало страданий и боли, пока он на нем научился хоть как-то держаться.

Два дня усиленных тренировок все-таки принесли какие-то результаты, и на третий Том заговорщицки шепнул Полли:

– Приходи-ка и посмотри, как у меня выходит.

Сперва Полли и Мод, которая пришла вместе с ней, наблюдали с большим интересом, как Том борется с велосипедом на ровной дороге, по которой он хоть и не слишком уверенно, но все-таки умудрялся ехать. А потом доблестный всадник задиристо выкрикнул:

– Теперь смотрите, как Остер летит с горы!

Крутя изо всех сил педали и виляя из стороны в сторону, он с видом взбесившегося паровоза устремился вниз по крутому склону.

Вполне вероятно, он завершил бы с триумфом этот отчаянный спуск, не вылетев вдруг ему поперек пути большая собака, которая вмиг отправила славное содружество механизма и человека в придорожную канаву.

Полли, которая тут же кинулась к месту аварии, открылась такая картина: Том лежал на спине, велосипед – на нем, рядом заходила от лая собака, а подле нее – хозяин, громко ругавший ее за непослушание. Полли все это показалось очень смешным, но потом она глянула на лицо мальчика, и смех замер у нее в горле.

Том был бледен как полотно. Мутный взгляд его блуждал. А из большой раны на лбу струилась кровь. Хозяин собаки нагнулся над мальчиком и помог ему встать, но тут же выяснилось, что ноги его не держат, и он с тихим стоном осел на обочину.

– Тебе очень больно? Сильно ушибся? – приложила ему ко лбу носовой платок Полли.

– Не пугай маму. Я в общем в порядке, – тихо, но мужественно отозвался он и покосился с тревогой на велосипед, самочувствие которого волновало его гораздо сильнее, чем собственное. – Он ведь тоже упал, да?

– Ничего с твоей противной штуковиной не будет, а вот

ты сильно из-за нее пострадал, – ответила Полли, пытаясь перевязать ему голову слишком коротким для этого носовым платком. – Пошли домой. У тебя кровь течет, и все на нас смотрят.

– Ну да, пошли. Только какая-то у меня голова странная. Помогите, пожалуйста, мне подняться. А ты, Мод, перестань выть, – шикнул он на сестру и перевел взгляд на хозяина собаки. – Повезешь мой велосипед, Отис? Я после тебе заплачу.

Том, опираясь на плечо Полли, медленно поднялся на ноги, и процессия двинулась к дому. Возглавлял ее виновник катастрофы – большой пес, время от времени басовито ла-явший на ходу. За ним следовал его добродушный хозяин – ирландец, ведущий за руль «эту дьявольскую педалекрутил-ку», как он именовал велосипед. Потом – раненый наш герой, подпираемый Полли. И замыкала траурную процессию ревушая в три ручья Мод с кепкой брата в руках.

Миссис Шоу как раз в это время уехала вместе с бабушкой в город, Фанни отправилась с визитом к очередной подруге, старшая и младшая горничные при виде Тома впали в такую панику, что рассчитывать на их помощь не приходилось, и из всех присутствующих одна лишь Полли оказалась способна заняться им.

– Рана серьезная. Необходимо немедленно зашивать, – объявил подоспевший по вызову девочки доктор. – Кто-нибудь, подержите, пожалуйста, ему голову.

– Да я сам постараюсь не дергаться, – пообещал врачу Том, пока тот вдевал нитку в хирургическую иглу. – Но если все-таки меня надо держать, то пусть это будет Полли. Ты ведь не боишься? – с надеждой осведомился он у нее, потому что с ней предстоящая процедура для него стала бы менее пугающей.

Полли было страшновато, но, вспомнив, как Том обозвал ее трусихой, она решила, что выдержит испытание, и пусть ему станет ясно, насколько он ошибался. К тому же она видела, как бедный Том боится, а подбодрить его сейчас, кроме нее, в доме некому.

Она подошла к дивану, где он лежал, кивнула ему и опустила ладони на его голову.

– Ну ты, Полли, кремень, – пораженно шепнул он ей, а затем, стиснув зубы и крепко сжав кулаки, неподвижно и молча выдержал экзекуцию.

– Готово, – пару минут спустя констатировал доктор, после чего Тому дали выпить вина, а затем со всеми удобствами обустроили на кровати, где он, пусть голова и продолжала еще болеть, ощутил себя куда лучше прежнего.

– Ему сейчас надо поменьше двигаться, – напутствовал перед уходом врач.

Девочка собралась его проводить.

– Большое тебе спасибо, Полли, – сказал ей Том, а потом проводил ее благодарным взглядом, пока она не скрылась за дверью.

Дома Тому пришлось провести целую неделю, и все это время его, лежащего на кровати с большим черным пластырем на лбу, окружали вниманием и заботой. Доктор ведь объяснил:

– Придись удар хоть на дюйм ближе к виску, и все было бы кончено.

И вот эта мысль, что его могли потерять, сделала Тома для всех домашних ужасно ценным. Каждый теперь старался его баловать, чем мог. Отец по десять раз в день справлялся о его самочувствии. Мама, о чем бы ни шел разговор, постоянно сворачивала его на своего «бедного, чудом спасенного мальчика». Бабушка потчевала его всеми вкусностями, какие только могла придумать. А сестры и Полли ухаживали за ним, как преданные рабыни за господином. Недавно еще заброшенный Том сперва испытал немалое потрясение от такой популярности и окутавшей его ласки, а затем, немного освоившись, начал и сам изумлять окружающих удивительно вежливым и располагающим к себе поведением, потому что впервые в жизни был счастлив.

Существа его пола редко делятся подобными чувствами с кем-нибудь, кроме мам. Но у Тома с матерью не сложилось доверительных отношений, и поэтому никто не имел представления, что творилось в те дни с его внутренним миром. А мир этот, согретый лучами любви и добра окружающих, расцветал понемногу яркими красками. И одним из таких лучей была для мальчика Полли.

Вечерами энергичный Том уже попросту изводился от вынужденной неподвижности. Тут-то и заступали на вахту девочки. Фанни развлекала его игрой на рояле или читала что-нибудь вслух. Полли пела. Но больше всего Тому нравилось, когда она рассказывала какие-нибудь истории.

– Ну, Полли, давай, – просил каждый вечер мальчик, устраиваясь поудобнее на своем любимом бабушкином диване.

Рядом в камине ярко пылал, потрескивая, огонь. Пламя его освещало комнату уютными всполохами. И Полли, устроившись на низком стульчике подле Тома, словно Шахерезада возле султана, принималась ему рассказывать историю за историей.

Но наступил вечер, когда она вдруг ответила на его просьбу:

– Нет, мне сегодня совсем не хочется рассказывать. Да я, по-моему, и не знаю больше ничего интересного. Все, что раньше придумала, ты уже знаешь, а новое не сочиняется.

Подперев щеку ладонью, она глядела на огонь, и лицо ее было столь грустно, что Том озадачился. Никогда еще он не видел ее такой.

– И о чем же ты сейчас думаешь, Полли?

– О Джимми, – тихо отозвалась она.

– Слушай, а может, о нем расскажешь? – попросил Том. – Ты ведь обещала когда-нибудь это сделать. Но если не хочешь, тогда не надо, – добавил он, проявив неожиданную для

себя деликатность.

– Мне о нем говорить приятно, только рассказывать-то особо и нечего, – вздохнула девочка. – Понимаешь, вот я сижу сейчас здесь рядом с тобой, и мне это очень напоминает, как мы проводили время с Джимми, когда он был болен. Мне было с ним вместе так здорово.

– Он был, видать, образцовым парнем, – предположил Том.

– Вовсе нет, – покачала головой Полли. – Вернее, он таким быть старался, но, как говорила мама, выигрывал лишь половину битвы. Нам с ним время от времени надоедало стараться. А потом мы вновь себя брали в руки и начинали всю над собой работать. У меня, в общем-то, получалось не очень. Во всяком случае, таких успехов, как Джимми, я не добивалась. Все очень его любили.

– А вы с ним ругались? Ну, например, как мы? – полюбопытствовал Том.

– Ну да. И не так уж редко, – ответила Полли. – Только долго у нас друг на друга злиться не получалось. Джимми обычно первый не выдерживал. Зайдет ко мне в комнату, скажет: «Все спокойно, Полли», – и я тут же начинала смеяться.

– А он много всякого знал? – задал новый вопрос Том.

– Много, – кивнула Полли. – Учиться ему очень нравилось. Он хотел получить хорошее образование, чтобы потом стать помощником папы. Я от многих про него слышала:

«Вот умный парень!» Но на самом-то деле мало кому было известно, до чего он действительно умный. Ведь он никогда не бахвалился тем, что знал. Сестры, конечно, всегда гордятся своими братьями, но я-то уж точно имела на это полное право.

– Много ты понимаешь про девчонок, – скептически выпятил нижнюю губу Том. – Да большинству из них просто плевать на собственных братьев. Гордятся они, держи карман шире.

– А если и не гордятся, то зря. Потому что должны, – ничуть не смутилась Полли. – Только и братья должны относиться к ним так же по-доброму, как Джимми ко мне.

– Ну и как же он там к тебе относился?

– Очень меня любил и не стыдился это показывать, – ответила со слезами в голосе девочка, и Тому сделалось ясно, что она действительно потеряла не просто брата, а очень близкого друга.

– А от чего же он умер? – решился затронуть он явно тяжелую для нее тему.

– Прошлой зимой катался на санках и... – Голос ее сорвался. – В общем, он так никому и не сказал, кто в него тогда врезался. Прожил он после этого только неделю. Я как могла помогала маме и папе за ним ухаживать. Джимми мучили страшные боли, но он их так мужественно терпел. Подарил мне все свои книги, свою собаку, своих пестрых кур и большой перочинный нож и сказал: «Прощай, Полли». По-

целовал меня и... О Джимми, Джимми! – закрыла лицо руками она. – Если бы только он смог вернуться.

Полли уже рыдала. Том ей очень сочувствовал, но, не зная, как это выразить, просто молча сидел на диване, встряхивая бутылку с камфарой. К счастью, в комнате появилась Фанни. Она подбежала к подруге, обняла, и вскоре та перестала плакать.

– Просто я целый вечер думала о своем бедном брате, – с грустью проговорила она. – Том мне очень напоминает его.

– Я? – вытаращился на нее Том. – Да каким таким образом, если я на него совсем не похож?

– Чем-то похож, – ответила Полли.

– Если бы. – Тому казалось, что этот несчастный парень был слишком хорош, чтобы он мог походить на него. – О чем ты вообще, когда он...

– Но ты ведь тоже, когда захочешь, становишься таким умным и добрым, – перебила его Полли. – И смотри, как боль терпеливо переносил. Правда, Фанни? – перевела взгляд на подругу она. – Мы все его очень любим, когда он такой.

– Ну да, – подтвердила та. – Я его просто не узнаю последнее время. Только ведь, когда выздоровеет, опять станет прежним, – не слишком-то верилось ей, что брат может столь измениться.

– Много ты понимаешь, – пробурчал Том и закутался в одеяло, которое резко откинул, когда Полли начала сравнивать его с Джимми.

Рассказ Полли произвел на него огромное впечатление. Джим мало прожил. И вроде бы ничего особенного не успел сделать. Но тем не менее умудрился быть каким-то таким, что собственная сестра до сих пор о нем плачет и считает его самым хорошим и лучшим на свете. И лучше себя самой, в то время как Тому казалось, что лучше Полли быть невозможно.

– Как мне бы хотелось иметь сестру, похожую на тебя! – воскликнул вдруг он.

– А мне бы хотелось брата, который был бы похожим на Джимми, – парировала оскорбленная Фанни.

– Ой, ну зачем же вы так. – На глаза Полли навернулись слезы. – Лучше бы радовались, что вы есть друг у друга.

Брат с сестрой обменялись хмурыми взглядами, думая об одном и том же: «Почему же мы сами не можем дружить, как Джимми и Полли?»

– Моей сестре, кроме себя, на всех наплевать, – вынес суровый вердикт Том.

– А Том такой вредина! – не осталась в долгу Фанни.

– Эй! – прервала их обмен «любезностями» Полли. – Вы вот сейчас задумайтесь на минутку. Если потом, не дай бог, с кем-то из вас что-нибудь случится, знаете, как вам станет стыдно! Сколько бы я дала теперь, чтобы взять обратно все злые слова, которые наговорила Джимми, когда мы ссорились. Ох, как же мне жаль, как жаль!

По щекам ее вновь заструились слезы. Она быстро их

стерла ладонью. А вот мысли, которые первый раз в жизни вдруг одолели всерьез Тома и Фанни, было стереть не так-то просто. В тот вечер они воздержались от извинений или пылких клятв о дружбе навеки. Фанни попросту потрепала ласково брата по рыжей всклокоченной шевелюре, так как поцеловать себя он нипочем бы ей не позволил, и ласковым шепотом выдохнула:

– Надеюсь, сегодня ты хорошо выступишься, милый Том.

И Том, кивнув, пожелал ей в ответ:

– Тебе, Фан, того же.

Вот и все. Но каким глубоким бывает значение подобных коротких реплик! До чего же они иногда оказываются красноречивее длинных напыщенных фраз. Вполне возможно, что Полли сама и не поняла, какой совершила переворот в душах Тома и Фанни Шоу, но тем не менее заснула счастливая, хотя Джимми, увы, не мог больше пожелать ей спокойной ночи.

Глава V. Конфликты

Бывает, что дети вдруг начинают себя вести до неправдоподобия хорошо. Но если такой период затягивается у них слишком надолго, они обязательно освежат себя потом какой-нибудь выходкой. Вся юная часть дома вела себя целую неделю, прошедшую после аварии с Томом, просто по-ангельски. Настолько по-ангельски, что пожилая леди однажды с тревогой проговорила:

– Да неужто они теперь такими окаменевшими на всю жизнь останутся?

Она совершенно зря беспокоилась. Излишняя добродетель никогда не затягивается на долгий срок, чтобы войти в привычку. Подобное может произойти разве лишь в паточных детских книжках, где вместо живых персонажей действуют скучные маленькие ханжи. В реальности этого не бывает. И едва Том поправился, как вся наша компания стремительно сбилась с ровной и гладкой дороги, по которой так стройно шагала в ногу семь дней подряд.

Началось все с истории, которую Фан назвала потом «глупостью Полли». Гостья никак не могла привыкнуть, что открывать на звонки входную дверь здесь полагается служанке. Девочка как раз помогала снять пальто возвратившемуся с работы мистеру Шоу, когда в передней раздался звонок. Она отворила дверь. На крыльце стоял посыльный. Он с покло-

ном вручил ей букет тепличных цветов и удалился.

– О-о! Похоже, наша малышка Полли уже завоевывает поклонников! – воскликнул с улыбкой мистер Шоу, глядя, как девочка с удовольствием нюхает душистые гелиотропы. – И, глядите-ка, тут даже письмо есть!

И Полли действительно извлекла из букета конверт. Будь она чуть похитрее, ей, наверное, пришло бы в голову, что лучше оставить это письмо там, где оно лежало. Но она отличалась честностью и простодушием, никогда ничего не скрывала и, взглянув на конверт, ответила мистеру Шоу со свойственной ей прямоотой:

– О нет, сэр. Это не для меня, а для Фанни. От мистера Фрэнка. Ох, как же она обрадуется!

– Как смеет этот щенок посылать ей такое! – далеким от радости тоном воскликнул хозяин дома и, вскрыв конверт, с сердитым лицом уставился в текст письма.

Полли всегда показывала отцу забавные валентинки от мальчиков, и они вместе смеялись над ними, но сейчас она чувствовала, что ситуация складывается совсем иная. Во-первых, мистер Шоу не засмеялся, а во-вторых, Полли сомневалась, что Фанни такое понравится.

– И как давно у них продолжается это безобразие? – Он с таким грозным видом уставился на Полли, что та даже испугалась.

– Не знаю, сэр, – с дрожью отвечала она. – Но у Фанни и в мыслях не было ничего плохого. Ох, и зачем я вам только

сказала про мистера Фрэнка! – Девочка только сейчас спохватилась, что подруга вечером после концерта просила ее помалкивать об этом молодом джентльмене.

Просто с тех пор Фанни еще столько раз проводила время в компании «больших мальчиков», как называла мистера Фрэнка и его приятелей Полли, что у нее совершенно вылетел из головы категорический запрет, наложенный на подобные встречи мистером Шоу.

«Ой-ой-ой! Теперь Фанни так разозлится, – в панике размышляла она, наблюдая, как мистер Шоу свирепо комкает розовый конверт. – Но что же теперь поделаешь. Просто у девочек не должно быть никаких тайн от отцов, тогда и проблем не возникнет».

Мистер Шоу тем временем, выхватив у нее из рук букет, запихнул внутрь скомканное письмо и скомандовал:

– Передай немедленно Фанни, чтобы явилась ко мне в библиотеку.

– Да ты с ума сошла! Как ты только могла? – возмутилась и одновременно перепугалась Фанни, узнав, что произошло внизу.

– Ну а что же мне было делать? – растерялась в свою очередь Полли.

– Но он ведь решил сначала, что это букет для тебя. Вот пусть бы все так и осталось. Трудно тебе промолчать, что ли, было! – простонала подруга.

– Но если бы я промолчала, это было бы так же плохо, как

если бы солгала, – возразила Полли.

– Ну а теперь я из-за твоей честности попала в большую беду. Поэтому ты должна мне помочь, – сказала Фан.

– Постараюсь, но лгать ни в чью пользу не стану, – упорно стояла на своем Полли.

– А я и не прошу. Просто попридержи язык, и тогда я сама с этим справлюсь.

– Тогда мне, может быть, лучше вообще с тобой не ходить? – ответила Полли, сомневаясь, что ей удастся вести себя так, как просит подруга.

– Ты идешь или нет? Сколько мне еще ждать? – слышался в это время снизу не предвещающий ничего хорошего голос мистера Шоу.

– Да, сэр, – покорно откликнулась Фанни и зашептала, вцепившись подруге в руку: – Нет, ты пойдешь со мной, потому что, когда он так со мной разговаривает, я ужасно боюсь. Пожалуйста, Полли, милая, выручай.

– Хорошо, – кивнула та, и обе поспешили вниз.

Мистер Шоу с наимрачнейшим видом стоял подле стола, на краю которого лежал злополучный букет, а рядом с ним – письмо, адресованное мистеру Фрэнку Муру, эсквайру, где после слова «эсквайр» родитель Фанни оставил раздраженный росчерк.

– Я намерен немедленно положить конец этому безобразию, – нахмутив черные брови, ткнул пальцем в свое послание мистер Шоу. – И предупреждаю тебя: если снова про-

изойдет что-нибудь подобное, мигом отправишься в школу при канадском монастыре.

У Полли от такой страшной угрозы просто перехватило дыхание, но Фанни, слышавшая ее от отца уже несколько раз, отнеслась к ней куда спокойнее и весьма дерзким тоном отозвалась:

– А что такого ужасного я, собственно, сделала? В чем моя-то вина, если мальчики мне, как другим девочкам, посылают подарки?

– Дело не просто в подарках, – суровее прежнего продолжал мистер Шоу. – А в том, что я категорически запрещаю тебе общаться с Муром. Он не мальчик, а уже взрослый щеголь. И подобные личности рядом с тобой мне не требуются. Тебе это прекрасно известно, но ты тем не менее посмела меня послушаться.

– Да я с ним и вижусь-то очень редко, – начала Фанни. Она собиралась было добавить что-то еще в свое оправдание, но мистер Шоу, повернувшись к Полли, спросил:

– Это правда?

– Ой, пожалуйста, сэр, не спрашивайте меня, – с жалобным видом проговорила та. – Я ведь обещала... Пусть лучше Фанни вам все расскажет сама, – добавила она в полном отчаянии от того, что попала в подобную ситуацию.

– Твое обещание не играет ровно никакой роли, – беспрекословно возразил ей мистер Шоу. – Расскажи все, что знаешь, – немного смягчился он, глянув в расстроенное ее ли-

цо. – Это принесет Фанни больше пользы, чем вреда.

– Можно? – шепнула Полли подруге.

– Делай что хочешь. Мне наплевать, – ответила та. Злясь и одновременно стыдясь, она нервно завязывала узлы на своем носовом платке.

И Полли с большой неохотой стала рассказывать, а так как мистер Шоу задал по ходу ей множество вопросов, то в итоге вытянул из нее все, что ей было известно насчет совместных прогулок, обедов, встреч и записок. Но даже в сумме все оказалось куда невиннее, чем представлялось отцу, и по мере того как он слушал, суровые складки на лбу его и вокруг рта разглаживались и уголки губ не единожды вздергивались, словно он изо всех сил сдерживался от смеха. И ведь действительно очень смешно, когда дети, копируя взрослых, играют в любовь, толком не зная, что это такое.

– О, сэр, не вините особенно Фан! – воскликнула в заключение Полли. – Она ведь вела себя совсем не так глупо, как другие девочки из ее компании. Например, отказалась кататься с мистером Фрэнком на санках. А он очень ее уговаривал. И ей самой так хотелось. И теперь ей ужасно стыдно из-за того, что она вас не послушалась. Больше Фанни никогда так не сделает, если вы сейчас простите ее.

– Я не в силах сопротивляться столь пламенной защитительной речи, – развел руками мистер Шоу. – А тебя, Фан, – повернулся он к дочери, – попрошу запомнить. Брось заниматься всей этой чушью. Переключи-ка лучше энергию на

книги. Иначе уедешь отсюда. А Канада зимой, замечу тебе, совсем не ласковый край.

Подойдя к дочери, мистер Шоу примиряющим жестом погладил ее по щеке, но та резко отпрянула в сторону.

– Я правильно понимаю, что ты уже все сказал? – капризно осведомилась она. – Значит, теперь я могу наконец получить свой букет?

– Нет, – вновь нахмурился мистер Шоу. – Букет отправится напрямик туда, откуда был послан, вместе с моим письмом. Надеюсь, что таким образом я отобью у этого щенка охоту повторять подобное.

И, позвонив в колокольчик, глава семейства велел прибежавшей служанке препроводить злополучный букет по назначению.

– А тебя, Полли, – обратился он к гостье, – прошу подавать пример моей глупой дочери.

– Меня? – растерялась та. – С удовольствием, сэр. Но что я могу?

– Просто знай, что чем сильнее она станет походить на тебя, тем больше я буду рад, – ответил ей мистер Шоу. – И надеюсь, нам никогда больше не придется возвращаться к сегодняшнему неприятному разговору. Ну все, – махнул он рукой. – Идите.

Девочки поспешили покинуть библиотеку, и мистеру Шоу действительно больше не пришлось возвращаться к этому неприятному разговору. Ему, но не Полли, которая выслу-

шала от Фанни столько всего в свой адрес, что даже всерьез вознамерилась как можно скорее уехать домой.

Опустим здесь щедрый поток упреков и обвинений, которые обрушивала в течение нескольких следующих дней разъяренная Фанни на голову подружки. Вам и самим, вероятно, легко догадаться, что можно сказать, когда вы считаете, что ваше доверие обманули и выболтали ваш секрет. Полли, однако, вины за собой не чувствовала, и сердце ее переполняла обида на несправедливость Фанни, которую она искренне старалась выручить.

Хоть Полли никому и не жаловалась, Том догадался о том, что произошло, и, решительно приняв ее сторону, стал причиной конфликта номер два.

– А где Фан? – спросил этот молодой джентльмен, заглянув в комнату сестры.

– Внизу. К ней гости пришли, – объяснила Полли, лежащая на диване с интересной книжкой в руках, которой пыталась утешиться от всех свалившихся на нее бед.

– А ты почему же не с ними? – задал ей новый вопрос мальчик.

– Потому что Трикс мне не нравится, а этих ее друзей из известных нью-йоркских семейств я и вовсе не знаю, – внесла ясность Полли.

– Уж сказала бы прямо: не хочешь знать, – усмехнулся Том.

– Это невежливо, – продолжая читать, откликнулась Пол-

ли.

– Зато честно, – возразил ей Том. – Слушай, давай-ка чем-нибудь развлечемся.

– Нет, я хочу почитать, – перелистнула страницу она.

– Это невежливо, – ехидно произнес Том.

Полли фыркнула и опять погрузилась в книгу. Том сперва начал что-то тихонько насвистывать, а затем с тяжким вздохом схватился за лоб, на котором все еще был наклеен пластырь.

– Голова опять заболела? – кинула на него тревожный взгляд девочка.

– Ужасно, – подтвердил хитрюга Том, который за время болезни прекрасно научился извлекать выгоду из своего ранения.

– Тогда тебе надо, наверное, полежать, – порекомендовала Полли.

– Не могу, – жалобно отозвался Том. – Понимаешь, у меня от этого сидения дома уже все кости зудят. Короче, я «весь в миноге и меня надо газвлекать», – весьма похоже передразнил он Мод.

– Ну тогда погоди, – сдалась Полли. – Сейчас главу дочитаю, и мы с тобой чем-нибудь займемся.

Том побродил немного со скучающим видом по комнате, пока не достиг туалетного столика Фанни, возле которого с интересом остановился. Дело в том, что сестра переодевалась и прихорашивалась к приходу гостей в большой спешке,

у нее не хватило времени ничего убрать, и поверхность стола покрывали разные интересные штучки, ящики были наполовину выдвинуты, обнажив содержимое, а рядом в куче валялось несколько платьев.

Тактичный мальчик деликатно отошел бы в сторону, благовоспитанный – постарался бы прикрыть беспорядок от посторонних глаз. Том не был, однако, ни тем ни другим. Глаза у него азартно блеснули.

Пользуясь тем, что увлеченная чтением Полли ничего не замечает, Том развил бурную деятельность. Он по очереди приложил к ушам все серьги сестры; завел ее часики, хотя они без того уже были утром заведены; понюхал душистые соли; щедро намочил свой грязный носовой платок одеколоном Фан; смазал рыжие кудри ее маслом для волос; нанес на лицо пудру с ароматом фиалок и в заключение, исколовшись шпильками, прикрепил к рыжим кудрям несколько фальшивых прядей, существование которых Фанни тщательно ото всех скрывала.

Сея хаос и нанося урон любимым вещам сестры, Том перерыл ее ящички, ларчики и коробочки. Потом повязал себе на голову поверх искусственных прядей голубую ленточку, в точности как это делала Фанни, глянул на себя в зеркало, остался доволен новым обликом и решил перевоплощаться дальше.

Немного усилий, и вот он уже, даваясь от хохота, втиснулся в платье, которое Фанни оставила на спинке стула. Снова

обозрел свое отражение в зеркале и, чуть поразмыслив, дополнил комплект лучшим бархатным жакетиком сестры и ее горностаевой муфтой, а под юбку подсунул сзади для пышности диванную подушку.

В таком виде он, подбоченившись, и предстал перед изумленной Полли, от которой все это время полог кровати скрывал его действия.

Шутка девочке очень понравилась, и она от души рассмеялась.

– Пойдем вниз, покажемся гостям, – загорелся Том, вдохновленный ее реакцией.

– Ой, нет! Ни в коем случае! – запротестовала она. – Думаешь, Фанни обрадуется, если ты всем покажешь ее искусственные пряди? Там ведь не только девочки, но и мальчики. Это же неприлично. Она тебя никогда не простит.

– А по-моему, выйдет весело, – возразил Том. – Фан так плохо с тобой обошлась, что вполне этого заслуживает. Давай. Отличная шутка получится. Представишь меня как свою дорогую подружку мисс Шоу.

– Нет, ни за что, Том, подумай, ведь это подло. Лучше сними поскорее все с себя, и тогда я согласна с тобой заняться чем хочешь, – уговаривала его Полли.

– Выходит, я зря старался? – Протесты лишь сильнее раззадоривали мальчика. – Сама видишь, как я потрясающе выгляжу. Нет, это все должны увидеть. Точно тебе говорю: они будут в восторге. Ну же, вперед, мисс Полли.

И Том принялся до того комично жеманиться и поправлять повязанные голубой ленточкой кудряшки, что Полли звонко расхохоталась, однако с самым решительным видом преградила ему путь к двери.

– И все-таки я не позволю тебе унижить сестру.

– Тогда просто брысь с дороги. Спускаюсь один.

– Ни за что! – Девочка упрямо стояла на месте.

– И как же ты мне помешаешь, мисс Примерное Поведение? – с вызовом глянул на нее Том.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.